

И Л Ь Я Н О Я Б Р Ё В

КАРАБАСОВЫ СЛЕЗЫ

CF FOLIO

Илья Яковлевич Ноябрьрёв

Карабасовы слёзы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4415135
ISBN 978-966-03-5075-5

Аннотация

Жанр, в котором написаны истории, вошедшие в эту книгу, сам автор называет «киноповестями». Написаны они были в разное время и все предназначались исключительно для кино. Но, как известно, кинопроизводство – дело сложное и непредсказуемое. В смысле – никто не может дать гарантию, будет ли когда-либо снят по этому сценарию фильм или написанное годами будет дремать под слоем теплой пыли. Ноябрьрёв считает, что ему отчасти повезло – две повести уже стали основой для двух осуществленных проектов: «Хроники утопленника» превратились в фундамент фильма «Тринадцать месяцев» (2008 г.), а «Возвращение блудного отца» реализовалось в фильме с одноименным названием (2009 г.). Какой будет судьба остальных – покажет время. Однако будем считать, что читателю тоже повезло – он уже имеет возможность познакомиться с этими необычными историями.

Содержание

Хроники утопленника	4
Карабасовы слезы	85
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Илья Ноябрьёв

Карабасовы слёзы

(сборник)

*«Если я чего написал,
Или чего сказал,
Тому виной – глаза-небеса,
Любимой моей глаза!»*

Вл. Маяковский

Хроники утопленника

1 июля одного года.

Летним вечером группа молодых людей сидела на берегу реки вокруг костра.

Алкогольные пары приятно туманили головы и вскоре компания начала делиться на пары. Симпатичная блондинка и долговязый паренек, жадно целуясь и сбрасывая на ходу одежду, направились к реке. Войдя в теплую воду, парочка, пьяно хихикая, занялась любовью, вспугнув безмятежно мурлыкавших в прибрежной тине лягушек.

* * *

Леденящий душу женский крик взорвал тишину летней ночи.

* * *

В предрассветном тумане на берегу реки стояло несколько небольших групп людей. Их взгляды были устремлены на тело утопленника, вернее, на то, что от него осталось. Двое мужчин, следователей, курили, тихо переговариваясь:

– «Глухарь»! Повесят на нас!

– Не каркай!

– Сыро, блин. Когда подъедет хренов эксперт?

– А кто его знает! Надо будет поднимать архив пропавших, чтобы опознать тело.

– Да? А как «это» можно опознать?

Они одновременно швырнули окурки в мокрый песок и направились к свидетелям.

* * *

За 6 месяцев до того.

По телевизору передавали новогоднее поздравление Пре-

зидента.

На довольно просторной кухне когда-то роскошной квартиры сидела женщина лет пятидесяти пяти. Она нервно за-тягивалась вставленной в мундштук сигаретой. Во всей ее фигуре, в посадке головы, даже в манере стряхивать пепел чувствовалась, «порода».

Это была вдова некогда влиятельного государственного чиновника «советской эпохи». Большая квартира в номенклатурном доме – все, что осталось от времен процветания и благополучия.

Скрипнула дверь, в кухню вошла младшая дочь хозяйки квартиры – девушка лет семнадцати по имени Саша.

Женщина резко обернулась, но, увидев дочь, несколько успокоилась и спросила:

– Как Мишечка?

– Хнычет, – грустно вздохнула Саша. – А как может быть иначе, если Наташка сама ночами не спит и плачет?

– Ничего! Теперь успокоится!

– Новогодняя ночь, а она снова куда-то звонила и плакала.

– Что решено – то должно быть сделано! Если я, мать, не только допускаю, но и радуюсь тому, что моя дочь бросает мужа, значит оно того стоит! Надо ликовать, что Наташа наконец освободится от такого «золота».

– Мама, зачем ты так говоришь? Он не плохой! Он удивительный человек!

– Как же! Удивительный! Как только деньги в руках, так

сразу и удивляет!

– Это его деньги! Он чужих не брал...

– Нашла чем гордиться! Сейчас берут все и несут в дом. А когда он в последний раз что-то приносил? На месте Наташи я бы уж год назад его бросила!

– Тебе легко говорить!

– Нет, не легко! Мне, матери, видеть дочь несчастной и разведенной нелегко! Поверь, очень нелегко! Отца давно нет – я одна. Но я благодарна Богу, что она решилась. Наконец все будет кончено!

– И что же здесь хорошего?

– А то, что найдутся люди в тысячу раз лучше вашего Глебушки и будут счастливы жениться на Наташе.

– Ты о Сергее?!

– А почему бы и нет? Он любит ее уже десять лет, а она, я уверена, – любит его.

– Не так, как Глеба! Это дружба!

– Знаем мы эту дружбу. Если не будет препятствий...

– Ты судишь по себе!

– Не хаами!

Раздался звонок в дверь.

Женщины вздрогнули и притихли.

Первой опомнилась Саша:

– Я открою.

В дверях стоял запыхавшийся Сергей. Обычно невозмутимый, как все дипломатические работники, сейчас он был

сам не свой.

Хозяйка квартиры, увидев гостя, вся подобралась.

– Сергей, вы? С Новым годом!

– С Новым годом, Мария Николаевна! Наташа мне звонила... Такой странный звонок... Она здорова?

– Здорова. Ребенок немного приболел. Сашенька, позови Наташу.

Саша ушла.

Тягостно вздохнув, Мария Николаевна обратилась к Сергею:

– Да, тяжелое время... Вы ведь знаете?

– Знаю, я говорил с Наташей после его ухода... Неужели она решилась – так бесповоротно?

– Да, слава богу!

– Но резать по живому больно и тяжело!

– Разумеется тяжело, но их брак уже давно был надрезан.

После всех его гадостей, после всех клятв, что это не повторится, он набрался наглости и произнес здесь обличительную речь – «его, – мол, – слушают и не слышат»! Он, видите ли, устал!

Мария Николаевна свирепо вдавила окурочек в пепельницу.

– Сережа, вы нам близкий человек, от вас секретов нет: он столько раз порывался уйти – так пусть уходит! Мы на этом настаим!

– Да, но они так любили друг друга...

– Ее любовь подверглась испытаниям и вряд ли от нее что-

либо осталось. Согласитесь: пьянство, обманы, неверность – разве можно любить такого мужа?

– Для любви все возможно...

В этот момент в кухню вошла Наташа. Ее глаза были красными и припухшими от слез.

– Вот, Наташенька, Сергей явился на твой зов, – лукаво улыбнулась Мария Николаевна.

– Меня немного задержали, – извиняющимся тоном пояснил Сергей. – С Новым годом!

Наташа набрала в легкие воздух и выпалила:

– Сергей! У меня к тебе большая просьба... Мне не к кому больше обратиться...

– Все, что смогу.

– Ты ведь уже обо всем знаешь? – Наташа красноречиво посмотрела на мать.

– Почти... – смущенно ответил Сергей и машинально поправил пепельницу так, чтобы она встала под правильным углом. Мария Николаевна поспешно вскочила:

– Я пойду к ребенку, – с этими словами она выскользнула за дверь.

Наташа проводила мать неприязненным взглядом и продолжила:

– Сережа, передай ему это письмо! – она вложила в руку Сергея маленький конверт. – Пожалуйста! Отдай письмо и скажи... Нет! Просто привези его домой, если сможешь!

– Хорошо. Но как же...

– Скажи, что я прошу его все забыть. Все забыть и вернуться! Я хочу, чтобы именно ты, его друг... Он ведь трус!

– Наташа, зачем ты...

– Я тебе сейчас все объясню: я ездила в офис узнать, где он. Мне сказали, по секрету конечно, что он поехал к своей балерине... Есть там одна девушка... Вот этого я и боюсь! Он ведь с детства мечтал... Знаю, что если его не удержать вовремя... Найди его!

– Разумеется!

– Найди нужные слова, Сереженька!

Как только за Сергеем захлопнулась входная дверь, на кухню ворвались мама и младшая сестра Натальи.

– Что случилось? Где Сергей? – требовательно спросила Мария Николаевна.

– Уехал.

– Как уехал?

– Я попросила его исполнить мою просьбу.

– Какую?

– Я попросила его передать Глебу письмо.

– Опять все с начала!

– Я хотела... Я старалась... Но я не нахожу в себе сил... – казалось, Наташа сейчас разрыдается.

– Так ты хочешь его вернуть?! – ужаснулась Мария Николаевна.

– Да.

– Опять пустить к нам в дом эту гадину?

– Мама, я прошу тебя не говорить так о моем муже...

– Он был твоим мужем!

– Он и теперь мой муж!

– Мот! Пьяница! Развратник! Человек без роду и племени! Мы впустили его в нашу фамилию – фамилию Рязановых! Отец, имея двух дочерей, хотел продолжения рода, и нам нужен был надежный, перспективный и, главное, благодарный человек. Он приобрел положение! Связи! Наши связи! Знаешь, чего это стоит? Ваш Глебушка, который очаровал всех черт знает чем, должен был целовать нам ноги! А он... – Мария Николаевна зашлась в кашле.

– Мама, за что ты меня так мучаешь? – истерично выкрикнула Наташа.

– Я мучаю? Ты приняла решение, потом вдруг зовешь человека, который в тебя влюблен...

– Ничего подобного!

– Сергей делал тебе предложение... а ты... посылаешь его за мужем-прохвостом?

– Мама! Оставь меня в покое!

– Так выгони мать из дома, а развратного мужа впусти!

Все трое разрыдались.

* * *

Сергей сел в машину, но мотора не заводил. Он не знал, как себя вести. Огоньки проезжающих автомобилей отража-

лись в его глазах, на которых готовы были появиться слезы. Наконец он завел свой «БМВ» и поехал.

Этой же ночью Глеб сидел в одном из ресторанов города, где весело праздновали встречу Нового года. Он ничего не видел и никого не слышал, кроме Светланы – хрупкой голубоглазой девушки. Она веселилась от души, а он смотрел на нее, не отрывая глаз, пил и смотрел. Невидимая ниточка связывала этих двоих.

Вокруг всюду веселилась Глебова компания. Самый зрелый из мужчин, к которому все присутствующие обращались не иначе, как Давыдыч, прищурившись, сказал:

– Это замечательно, Глебушка! Я тебя таким давно не видел! Что с тобой происходит?

– Не знаю...

– Ну что не знаю? Что не знаю? – встрял в разговор человек по имени Валерий. – Почему мы всегда боимся перемен? Почему боимся совершать маленькие подвиги? – он говорил громко и живо жестикулировал. – Глеб, брось все, женись на этой девочке, роди детей, влей молодое вино в бурдюки своей души!

– Я об этом думал, – тихо пробормотал Глеб. – А еще я думал о том, что будет лет через десять? Я ведь старше ее на четверть века!

– Зачем, зачем ты об этом думаешь? – искренне удивился Давыдыч. – Кто может знать, что будет через десять лет! Жить надо маленькими радостями и каждый день!

Всем жутко понравилось сказанное. За это и выпили.

Женщины шумно, как стайка птиц, снялись с места и устремились в «дамскую комнату».

Глеб, нежно глядя вслед Светлане, задумчиво произнес:

– Я так долго искал ее, что теперь, когда я уверен – это

Она, вдруг не нахожу ответа на вопрос «Что с этим делать?»

– Она – чудо! Тебе повезло! Упустишь – пожалеешь! –

философски изрек Валерий.

Глеб подпер голову рукой:

– Знаете, когда я был маленьким, у моей мамы была шкатулка для украшений. Под крышкой этой шкатулки находилась маленькая куколка – балеринка. Как только крышку открывали – балеринка начинала танцевать. Я мог смотреть на нее часами... Взрослые специально спрашивали меня: – Кто эта балеринка?

Они знали, что я отвечу: – Моя невеста. – Полжизни я ждал, когда из-за поворота появится она, балеринка!

– Так Светлана – балерина?

– Начинающая.

Валерий усмехнулся, как Дед Мороз, точно знающий, какой подарок сделает его друга счастливым:

– Глеб, нельзя проходить мимо мечты! Решайся!

– Друзья мои, я – человек с прошлым, сотканным из компромиссов. Каждый компромисс, как сквозное ранение, оставил сквозное отверстие. Моя душа – решето! Как я могу принять в себя нечто настолько цельное и совершенное?!

А?!

Музыка заиграла еще громче и хоровод «новогодних ма-сок» увлек Глеба и его друзей за собой.

* * *

Сергей вошел в ресторан и моментально оглох. На него обрушилась волна новогоднего балагана. Он долго вглядывался в празднующих, пока не узнал в одном из них уже довольно пьяного Глеба.

* * *

Глеб никак не ожидал увидеть Сергея здесь, да еще в новогоднюю ночь. Как-то не вязался он со здешней атмосферой. Однако это был именно Сергей. Он решительно подошел к столику, за которым сидел Глеб:

– С Новым годом!

– С Новым! Ты – и здесь?!

– Я с миссией.

– Какая миссия может быть в новогоднюю ночь?

– Прости... Мне неловко... Я от Наташи!

– Даже так?

– Да! Вот! – Сергей протянул письмо.

Глеб раскрыл конверт, достал листок, развернул его к лам-

пе, пробежал глазами:

– Ты знаешь, о чем здесь написано?

– Не буду врать – знаю!

– И что ты скажешь, ты ведь лицо заинтересованное?

– Она страдает! И твой долг...

– Ты прав – долг! Интересно, когда же я выплачу все долги?

– Не мучай ее, Глеб! Прошу тебя как друг.

– Слушай, друг, ты тоже хочешь, чтобы я к ней вернулся?

– Да!

– А я, как Станиславский, тебе не верю! Вы – дипломаты, должны быть более убедительны в своем вранье.

– Глеб!

– Ну что Глеб? Сорок с лишним лет уж Глеб! Ты свободен! Твоя миссия невыполнима! С Новым годом!!! – он одним махом допил шампанское, с громким стуком поставил бокал на стол и влился в шумную компанию празднующих.

* * *

Сергей нажал кнопку звонка и дверь моментально распахнулась. Саша стояла на пороге и, вытянув шею, пыталась заглянуть за спину Сергея – нет ли там Глеба. Она даже обрадовалась, что его там нет – значит, устоял.

Сергей прошел в комнату. Наташа сидела в кресле, поджав ноги, и смотрела в пол. Она показалась Сергею такой

маленькой и беззащитной, что в эту минуту он почти ненавидел Глеба.

Наташа, не поднимая глаз, спросила:

– Что он сказал? Нет... Не надо!.. Я знаю!.. Я его очень хорошо знаю!

Воцарилась неловкая пауза, показавшаяся обоим вечностью. Молчание нарушила Наташа:

– Спасибо, Сережа! Я сделала тебе больно. Но поверь, я не хотела...

– Ничего страшного.

– Мама легла, Мишенька тоже уснул... Да и тебе, наверное, пора?

– Вообще-то я...

– Пора, пора!

И уже у дверей она внимательно посмотрела ему в глаза и, вкладывая в свои слова какой-то новый смысл, сказала:

– С Новым годом, Сереженька!

* * *

Наплывом из темноты проступило тело утопленника и исчезло.

* * *

31 января того же года.

Глеб стоял у служебного входа Оперного театра. Было холодно и посиневший кончик его носа красноречиво свидетельствовал – ждет он давно. Люди входили и выходили, но той, которую он ждал без малого полтора часа, все не было. Глеб взглянул на часы, обиженно втянул ледяной воздух и уже собрался было уходить, как вдруг его окликнули. Не оборачиваясь, он блаженно улыбнулся, достал из-за пазухи маленький букетик и лишь затем повернулся на 180 градусов. Светлана бросилась к нему на шею.

* * *

Она сидела на диване. Голова Глеба покоилась у нее на коленях.

– Знаешь, – слегка волнуясь, говорила Светлана, – вот я все жила и жила: училась, танцевала, ходила в кино, встречалась с мальчиками и ждала...

– Чего?

– Глупый. Не чего, а кого!

– Кого?

Девушка ласково взъерошила Глебу волосы:

– Одного немолодого, усталого, но очень симпатичного мужчину.

– И где же он?

– А я его зашифровала, чтобы никто и никогда не смог выкрасть у меня это сокровище!

– Сокровище?! Ты ж его совсем не знаешь!

– Я чувствую!

– Милая моя балеринка! – Глеб ласково потерся щекой о руку Светланы. – Поверь – твоё сокровище никакой ценности не представляет. Ценность человека, как и ценность клада, определяется его достоинством. А он, твоё сокровище, человек недостойный. За свою никудышную жизнь он натворил столько глупостей, что этого хватило бы на три «кудышные жизни».

– Зачем ты так говоришь? – нахмурилась девушка.

– Затем, что я знаю этого человека как себя самого... Ха-ха! Смешно получилось.

– Молчи! – она закрыла ему рот горячей ладонью. – Ты меня от него не отговоришь! Со-кро-ви-ще!

И она целовала его долго и нежно.

* * *

5 февраля того же года.

Промозглым, серым утром Глеб вышел из магазинчика,

над которым красовалась надпись «ПРОДУКТЫ» с отвалившейся буквой «К», и практически сразу угодил в чьи-то медвежьи объятия. Подняв голову, он встретил крайне серьезный взгляд своего компаньона по бизнесу – Вячеслава Борисовича Чередниченко.

Глеб, не делая попытки вырваться, негромко сказал:

– Привет!

Чередниченко неотрывно, с укоризной смотрел на Глеба и молчал.

Глеб забавно округлил глаза и театральным шепотом спросил:

– А что случилось?

– Будто ты не знаешь!

Лицо Глеба стало серьезным:

– Я же сказал – я вне игры!

– Но уже все запущено, – умоляюще заныл Чередниченко, – все шестереночки завертелись! А кредит они дают только под фамилию – фамилию Рязанов! А ты вне игры?!

– Да! Я так решил!

– А о фирме ты подумал? – сменил тактику Вячеслав Борисович. – О людях, которые тебе поверили? Мы так ждали, так за это боролись! Остался один шаг!

– Я сошел с дистанции! Рекордсмен сломался! Дыхалки не хватило!

– Глеб, Христом Богом прошу! Сделай это – возьми кредит! Все остальное сделаю я! Ты должен помочь!

– Должен?! – возмутился Глеб. – Я, как в сказке про Аладдина, раб лампы – слушаюсь и повинуюсь!

– Глебушка!

– Глебушка, дай хлебушка...

– Мы выплывем!

– А как же! Выплывем! Особенно я, который не умеет плавать!

Чередниченко понял, что Глеб сдастся. Он положил руку на его плечо и увлек за собой в сторону автомобиля.

Глеб не сопротивлялся.

* * *

10 февраля того же года.

Сергей, сидя в кабинете, корректировал свои планы в электронной записной книжке. Закончив, он, не торопясь, навел порядок на столе, надел пальто, шарф, взял в руки «дипломат», погасил свет, запер дверь и аккуратно спрятал ключи в карман брюк. Он еще немного постоял, мысленно координируя дальнейшие действия, и только после этого направился к выходу по ворсистой ковровой дорожке длинного коридора Министерства иностранных дел.

Подойдя к своему «БМВ», он открыл дверь, положил на сиденье «дипломат», снял пальто, повесил его на плечики и сел за руль. Дорога к дому Рязановых заняла больше часа:

аптека, супермаркет, рынок, цветочный магазин.

Припарковав автомобиль, Сергей достал из багажника два больших кулька, букет цветов, тщательно упакованный от мороза в целлофан, и вошел в подъезд столь дорогого для него дома.

Дверь открыла Мария Николаевна. Она не скрывала радости:

– Здравствуйте, Сереженька!

– Добрый вечер, Мария Николаевна! Я тут кое-что привез...

– Ну что вы! Так неудобно вас обременять!

– Пустяки. Наташа просила лекарство для Мишеньки и творог. Творог я брал на рынке – можете спокойно ему давать.

– У меня нет слов! Ваша мама должна вами гордиться!

– Спасибо. А где Наташа?

– В комнате. Консультируется с врачом, которого вы порекомендовали.

– Я пройду?

– Конечно, конечно!

Сергей, стараясь не шуметь, прошел в коридор и дальше в комнату Наташи. Мария Николаевна принялась деловито разбирать покупки.

За этим занятием ее и застала Саша:

– Я так и знала! – на хорошеньком личике девушки отразилось презрение. – Он уже начал вас покупать!

– Прикуси язык! – рывкнула Мария Николаевна. – От кого же нам еще ждать помощи?

– Разве Глеб не передает деньги?!

– Эти крохи?! Их едва хватает, чтобы не умереть с голоду.

– Это неправда! Ты просто всегда его ненавидела!

– Не смей мне грубить! Ты еще никто!

Послышались голоса и в кухню вошли Наташа и доктор.

– Ну, что? – обеспокоенно спросила Мария Николаевна.

– Доктор говорит, что кризис миновал, слава богу! – успокоила ее Наташа.

– Главное, чтобы мальчик не простудился повторно, – вставил доктор.

– Мы проследим! – заверила Мария Николаевна.

– Просто четко следуйте моим инструкциям, – врач протянул Наташе небольшой листок бумаги. – Приколите на видном месте и ничего не упустите. Все будет хорошо.

Наташа подошла к матери и шепнула:

– Надо бы дать денег. Я не могу. Мне неудобно.

Мария Николаевна, нимало не смущаясь, обратилась к врачу:

– Что мы вам должны, доктор?

– Ради бога! Ничего! Мы с Сергеем Дмитриевичем все решили. Там на рецепте мой телефон. До свидания!

Из комнаты донесся детский смех. Наташа улыбнулась и про себя отметила:

– Сережка нравится моему сыну!

Заметив улыбку на лице сестры, Саша подчеркнуто жестко сказала:

– Между прочим, у Миши есть отец!

Мария Николаевна молниеносно парировала:

– У него никогда не было отца! Одно звание!

– Я просила тебя так не говорить! – сухо сказала Наташа и направилась в свою комнату.

Мария Николаевна, плохо скрывая раздражение, буркнула Саше:

– Лучше поставь цветы в воду!

* * *

Мишутка не мог скрыть своей радости по поводу ухода врача. Он решил отметить это событие «опытами» над Сергеем: снял с него очки и стал пробовать на прочность его нос и уши. Наташа остановилась в дверях, молча наблюдая за происходящим. Она почувствовала, как ее охватывает волна спокойствия и благодарности.

Сергей заметил Наташу и смущенно улыбнулся.

* * *

Наплывом из темноты снова проступило тело утопленника и исчезло...

* * *

28 февраля того же года.

Глеб лежал ничком, уткнувшись лицом в подушку. Уже давно звонили в дверь, но он не реагировал. Когда начали стучать, Глеб пошевелился, медленно поднялся с кровати и босиком прошлепал в прихожую.

На пороге стоял друг детства Штейн:

– Ты опускаешься в пучину все глубже и глубже, и скоро она поглотит тебя целиком!

– Принес?

– А кто еще придет к тебе по первому зову, как ни я?!

Штейн достал из кармана пальто бутылку коньяка, банку шпрот и, поморщившись, спросил:

– Как ты можешь закусывать коньяк шпротами?

– Коньяк как нельзя лучше разжижает мозг, – сказал Глеб, – и тогда шпротам в этой акватории сподручнее плавать. Согласись, это красиво! Рыба ведь – чистый фосфор! Скоро я ничего не буду соображать, зато буду светиться!

Увидев озадаченное выражение на лице друга, Глеб счел нужным добавить:

– Я думаю, что моя страсть к рыбной закуске – это компенсация панической боязни воды. Я – единственный из всех знакомых мне людей, не умеющий плавать! Мне стыдно!

Он налил коньяк в стакан, выпил и закусил шпротой. Это было похоже на иллюстрацию к вышесказанному.

Штейн скептически наблюдал за Глебом, скрестив руки на груди.

– Друг, я снова сделал глупость, – тяжело вздохнув, признался Глеб, наливая новую порцию коньяка. – Подписал на работе какие-то бумаги...

Штейн упорно молчал, и Глебу ничего не оставалось, как продолжить:

– Знаешь, какой мой главный недостаток? Я не могу сказать «нет!»

Штейн неодобрительно покачал головой:

– Кореш, ты гибнешь! Гибнешь, а мне тебя не жаль! Нет – не жаль!

– Это почему же?

– Потому! – отрубил Штейн. – Вспомни, разве кто-то заставлял тебя делать что-то противное твоему Я? Заставлял?! А какая у тебя фамилия? А?! Рязанов? Нет?! Так какая же?

Глеб опустил голову на грудь.

– Ты забыл свою настоящую фамилию! – кипятился Штейн. – Ты мечтал быть военным, а стал «нужным кадром»! Ты бредил балериной, а женился на барышне, не способной оторвать задницу от паркетного пола «рязановской» квартиры! Теперь я читаю в твоих глазах нечто новое!

– Ты о чем?

– О том, что теперь ты подумываешь об эффектном «кон-

це»! Разве не так?!

Глеб молчал. Штейн налил себе коньяка, залпом выпил и негромко сказал:

– Я все думал: кого ты мне напоминаешь?

– И кого же?

– Толстовского Федю!

– Кого?

– Федю Протасова из «Живого трупа».

– Я плохо помню.

– Пить надо меньше!

– Наливай!

Они выпили.

– Так что этот Федя?

– Он тоже мучился и не понимал почему. Нет, вру! Он понимал: царская эпоха, ханжеские устои общества, ложь – все это его утомляло. Он запил, загулял, спустил все состояние, увлекся цыганкой...

– И что?

– И плохо кончил!

– М-да! Похоже! За небольшим исключением...

Они помолчали.

– Штейн, – тихо спросил Глеб, – что же ты посоветуешь старому другу?

Штейн прикурил новую сигарету и смачно затянулся.

– Ты считаешь себя человеком долга и не можешь все бросить – ведь так?!

Глеб беспомощно развел руками, давая понять, что друг абсолютно прав. Штейн взял бутылку, повертел ее в руках, плеснул янтарной жидкости в оба стакана:

– Знаешь, в шахматах есть такой термин – цугцванг! Это позиция, в которую попадает игрок, и какой бы ход он ни сделал, все будет ему во вред! Ты в цугцванге! И ты погибнешь, если...

– Что если?

– Если не исчезнешь, не испаришься, не улетишься...

– В каком смысле?

– Знаешь, что сделал в такой же ситуации Федя? Он утонул!!!

* * *

В тот же день.

Света еще и еще раз набирала номер мобильного телефона Глеба и уже с раздражением слушала однообразное:

– Ваш абонент временно недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже.

* * *

4 марта того же года.

Воскресное утро в загородном доме Чалых началось не так, как обычно. По традиции все обитатели дома вели себя чинно, предупредительно, размеренно, словом, все согласно «протоколу». Но только не сегодня.

Сергей сосредоточенно смотрел в зеркало, стараясь завязать галстук идеально ровным узлом, когда в комнату вошла его мама – Раиса Никитична:

– Сережа, я надеюсь, что, несмотря на торжественность момента, ты не забыл позавтракать?

– Ну что ты, мамочка, конечно не забыл.

– Извини, но в последнее время, ты, как мне кажется, стал изменять своим привычкам. А для человека твоей профессии – это недопустимо!

– Во-первых, на службе это никак не отражается, а во-вторых, я уже давно вырос, мама! – Сергей раздраженно затянул галстук. – Я вправе строить свою жизнь так, как считаю нужным! Вправе сам выбирать друзей и вправе жениться на ком хочу!

– Мне смешон твой «бунт на корабле»!

– Двадцать лет я люблю одну и ту же женщину! Так почему, когда она ответила мне тем же, я не могу на ней жениться?! – возмутился Сергей.

– Милый мой, – недовольно покачала головой Раиса Никитична, – ты прямой потомок знатного рода Чалых и должен чтить традиции пяти поколений дипломатов. Долг и честь – девиз твоих предков! Осмелюсь напомнить, что твой

долг – служить отечеству, а честь, дорогой мой, нужно беречь! Я не имею ничего против этой женщины, но о какой чести может идти речь, если она – жена твоего друга?

– Они давно не живут вместе. Развод – это формальность!

– Сережа, как вы будете жить? Ведь у них общий ребенок! Глеб захочет с ним видаться. Он будет вмешиваться в процесс воспитания. Начнутся дразги! В такой ситуации ты будешь иметь бледный вид!

– Мы все – интеллигентные и воспитанные люди! Мы найдем компромисс!

– Вот ты и произнес это сакраментальное слово – «компромисс»! До сих пор ты жил честно и открыто, как все мужчины в нашем роду, а теперь ты вступаешь на неведомую и ненадежную тропу компромиссов. В конце концов, тебе придется пойти на сделку с собственной совестью!

– Мамочка! Ну что ты делаешь? – Сергей умоляюще смотрел на мать. – Зачем ты омрачаешь действительно праздничный для меня день?

Сердце «железной леди» дрогнуло, и глаза ее увлажнились:

– Я не враг тебе! Просто хочу, чтобы все было правильно. – Она взяла голову сына в ладони, окинула любящим взглядом и поцеловала в лоб.

«Как Мадонна, – подумала Раиса Никитична, – поцеловав сына в чело, отдала человечеству».

– Я еду за Наташей, – улыбнулся Сергей. – К обеду мы

будем!

Когда машина Сергея выехала за ворота, Раиса Никитична неторопливо подошла к телефону и набрала номер:

– Доброе утро, Николай Николаевич! Ради бога прости-те, что беспокою в воскресенье, но мне необходима ваша по-мощь!

* * *

Светлана позвонила Глебу скорее по привычке – не ожи-дая ответа, но в трубке послышалось:

– Говорите!

– Любимый! – воскликнула девушка. – Куда ты пропал? Я же волнуюсь! Где ты?

– Я в ж... в норе, милая, прелестная балеринка!

– В какой норе? О чем ты?

– В той норе, в которой мне самое место... Можно было бы выразиться и покрепче!

– Глеб!

– Успокойся, родная. Я дома!

– Почему ты прячешься от меня? Я сделала что-то не так?

– Все так! Ты ни в чем не виновата, все дело во мне!

– Давай встретимся, поговорим... Я помогу тебе!

– Мы обязательно встретимся! Я перезвоню попозже. По-ка.

Глеб нажал на кнопку отбоя и отложил телефон. Его

взгляд рассеянно скользнул по страницам раскрытой книги, лежащей перед ним. Как в замедленной съемке его рука закрыла фолиант и потянулась к бутылке с коньяком. На обложке книги роскошным тиснением было выведено:

Лев Толстой. «Живой труп».

* * *

Вновь возник утопленник и исчез.

* * *

В тот же день.

Николай Николаевич входил в ворота дома Чалых уже через 15 минут после звонка. Раиса Никитична встретила его на крыльце, с выражением «смиренной печали». Николай Николаевич с достоинством поднялся по ступенькам. В его облике все еще сквозило то положение, которое он занимал в прошлом, – 5 лет он проработал министром иностранных дел.

«Железная леди» изящным жестом протянула гостю руку:

– Николай Николаевич, вы по-прежнему образец для подражания – так быстро приехали!

– Ваш призыв для меня закон! – ответил гость, галантно

коснувшись губами протянутой руки. И, как искусствовед, окинув взглядом стройную фигуру Раисы Никитичны, добавил:

– Время не властно над вами!

Женщина одарила гостя царственной улыбкой:

– Благодарю. Вы очень любезны.

Николай Николаевич выдержал приличествующую в таких случаях паузу и вежливо осведомился:

– Чем могу быть вам полезен, дорогая?

– Ах, Николай! – от волнения Раиса Никитична забыла про отчество. – Я потревожила вас, так как после кончины Дмитрия никого ближе у нас нет! Для Сережи – вы практически отец!

– Что случилось?

– Я в отчаянии...

* * *

Сергей с огромным букетом темно-красных роз вошел в квартиру Рязановых. Все семейство, кроме Наташи, высыпало ему навстречу. Сергей, скромно улыбаясь, поздоровался с присутствующими:

– Добрый день, Мария Николаевна, Сашенька, Миша!

Мишаня восторженно бросился к Сергею, но на полпути, вспомнив что-то, остановился, сложил руки по швам и поклоном головы поприветствовал гостя. Сергей ответил тем

же.

– Молодец, Миша! Запомнил все, чему я тебя учил! – похвалил он мальчика. – Именно так приветствуют друг друга дипломаты. Кстати, у настоящих дипломатов случаются дни, когда их награждают за хорошую службу! Сегодня тебе, Михаил, полагается награда – высший орден детской дипломатической службы: медаль из чистого шоколада! Ура!

Михаил достойно принял «награду» и только потом дал волю чувствам, крепко обняв Сергея за колени – выше достать не мог.

За этой сценой с умилением наблюдала Мария Николаевна и, с плохо скрываемой неприязнью, Саша.

Сергей поцеловал Мишу в стриженую макушку там, где топорщился забавный вихор, и, обернувшись к Марии Николаевне, спросил:

– А Наташа еще не готова?

– Конечно, готова! Сейчас она выйдет! На-та-ша!

В комнату вошла Наташа. Она была невероятно хороша: с новой прической, легким макияжем, в подчеркивающем фигуру изумрудном платье. Сергей в немом восторге уставился на любимую женщину.

– Здравствуй, Сережа! – улыбнулась Наташа, довольная произведенным эффектом.

– Здравствуй! – промямлил Сергей, чувствуя себя неопытным школьником. – Ты потрясающе выглядишь!

– Спасибо... Ну что, мы идем?

– Конечно! – спохватился Сергей, – нас уже ждут!

Наташа нерешительно взглянула на мать, как бы спрашивая разрешения. Мария Николаевна, с трудом сдерживая слезы, кивнула:

– Помогай вам Бог!

* * *

Раиса Никитична с грустью смотрела на Николая Николаевича:

– Я думаю – это неотвратно! Он весь в отца: молчит и делает!

– Я могу с ним поговорить, найти аргументы.

– Нет, это не поможет! Я прошу вас о другом: спасите Сереженькину репутацию! Муж этой женщины – Глеб, друг Сергея. С молодых ногтей они знают друг друга – учились в одной школе. Мне не интересно, что там между ней и Глебом произошло, но они до сих пор в браке! Нужен быстрый и мирный развод с неукоснительным выполнением определенных условий. Например: ребенок! Я всегда мечтала о внуках... о своих, конечно, но меня можно не принимать в расчет. Отец у ребенка должен быть один! Отец, который будет для мальчика примером и сможет указать ему дорогу в жизни! Вы меня понимаете? Я боюсь, что дитя невольно может стать предметом шантажа!

– Шантажа? Со стороны кого?

– Глеба, конечно! Правда, он всегда производил впечатление интеллигентного и разумного человека, но обстоятельства... кажется, он выпивает!

Раиса Никитична нервно обхватила себя руками:

– Ах, Николай Николаевич, дорогой, я так боюсь скандалов, которые повредят Сереже. Он достиг хорошего положения, но оно так шатко в наше время. Вы согласны?

– Да, карьера – женщина легкоранимая! – согласился бывший министр. – Но не тревожьтесь, дорогая, за время службы в нашем департаменте я привык разруливать самые критические ситуации! Для начала я возьму на себя наиболее ответственный сегмент проблемы – Глеба! Я найду аргументы, дабы склонить его к миру! Поверьте, все будет хорошо!

– Я перед вами в неоплатном долгу!

* * *

Сергей вел автомобиль на небольшой скорости намеренно: оттягивая момент очень важной для него встречи. В его голове роились мысли одна тревожнее другой: как мама примет Наташу? Хватит ли Наташе такта и деликатности, чтобы благосклонно снести мамины «странности»? Что должен сделать он, если две самые дорогие в его жизни женщины примут друг дружку в штыки?

Наташа тоже нервничала: ради того, чтобы начать жизнь с белого листа, она готова была на многое, но если мать Сергея

позволит себе унижить ее, то...

Они подъехали к воротам. Наташа инстинктивно взяла Сергея за руку, ища поддержки. Сергей нежно пожал ее руку и спокойным, уверенным тоном сказал:

– Все будет хорошо! Мы же вместе!

Они вошли в дом. Раиса Никитична вышла им навстречу, ни на секунду не забывая о величественной осанке, при этом на ее губах застыла радушная улыбка – все по правилам дипломатического этикета. «Железная леди» пристально и, как показалось Наташе, излишне долго рассматривала пассию своего сына и, кажется, осталась довольна.

– Добро пожаловать! – проворковала Раиса Никитична.

– Знакомьтесь, – поспешно затараторил Сергей. – Мама, это – Наташа. Наташенька, это моя мама, Раиса Никитична.

Наташе захотелось сделать книксен, но она вовремя спохватилась:

– Очень приятно.

– Мне тоже очень приятно наконец познакомиться с женщиной, к которой равнодушен мой сын.

– Даже очень равнодушен! – встрял Сергей.

Раиса Никитична едва заметно вздохнула:

– Что ж, соловья баснями не кормят. Прошу к столу!

* * *

Глеб, одетый в мятый, не первой свежести плащ, из-за уг-

ла дома наблюдал, как Мишаня, удерживаемый за одну руку Марией Николаевной, пытается запустить в плавание по глубокой луже бумажный кораблик. На заросшем трехдневной щетиной, одутловатом лице Глеба появилась счастливая улыбка: а сынок-то – подрост!

Прошло немало времени, прежде чем Глеб решился выйти из «укрытия». Он медленно приблизился к членам своего семейства:

– Здравствуйте, Мария Николаевна. Привет, сынок. Как ты?

Миша поднял глаза, и его детское личико засветилось искренней радостью. Мальчик хотел было ринуться к отцу, но бабушка стальной хваткой вцепилась в ручонку внука и Мишаня даже не смог сдвинуться с места.

– Зачем вы пришли? – со злостью спросила Мария Николаевна.

– Я к сыну пришел! – с вызовом ответил Глеб.

– К сыну нужно не приходите! С сыном нужно жить! Вернее, нужно было!

– Вы правы! Я, может быть, плохой отец, но... отец! И не вам решать, когда нам видеться! Простите!

– Вы только посмотрите на себя! – брезгливо поморщилась Мария Николаевна. – На кого вы похожи?! Разве такой отец нужен Мишеньке?

Глеб моментально сник.

Мария Николаевна воспользовалась его замешательством

и, круто развернувшись, направилась к дому, волоча за собой упирающегося и плачущего внука. Только возле подъезда она вдруг обернулась и злобно крикнула:

– Нужно держать обещания! Оставьте нас в покое!

Глеб остался стоять возле лужи, до хруста сжимая в руках игрушечную машинку, купленную для сына.

* * *

Вечер того же дня.

Сергей понимал, что светские, ни о чем, разговоры за столом – это пролог. Главное впереди! Сославшись на неотложный звонок, он оставил женщин прибирать со стола. В наступившей тишине был слышен лишь звон собираемой посуды. Наташа очень старалась и все делала безупречно. Наконец Раиса Никитична нарушила молчание:

– Наташа, мы с вами мамы! Вы поймете мое беспокойство.

Наташа почувствовала, как сердце ее подпрыгнуло и ухнуло вниз.

– Вы мне нравитесь, – продолжила Раиса Никитична, – и если бы вы с Сережей просто встречались – все было бы нормально. Но он собирается на вас жениться... А насколько мне известно – вы несвободны.

– Я жду развода!

– Я понимаю. Но дело не только в этом. Я – жена и мать

дипломатов, мне сложно высказываться прямо, тем не менее скажу: Сергей – человек ответственный, и, учитывая его профессию, не имеет права на ошибку. Понимаете ли вы это, Наташа?

– Да, конечно, я все понимаю, Раиса Никитична...

– Мне кажется – не все! Как быть с Глебом? Ведь они с Сережей друзья! На кон поставлены вечные категории: долг, честь, мужская дружба!.. А как вы намерены поступить с ребенком?

– В каком смысле?

– В смысле отцовства! Кто будет считаться отцом?

– Я... не знаю, – растерялась Наташа. – Я об этом не думала...

В комнату вошел Сергей и мгновенно оценил ситуацию:

– Я вижу стороны обменялись верительными грамотами! Для первого раза, пожалуй, достаточно! Наташенька, нам пора!

* * *

В машине Сергей сперва протер очки, затем вставил ключ зажигания и только после этого повернулся к взволнованной и бледной Наташе:

– Любимая, все хорошо! Ты понравилась моей маме – поверь! – он нежно погладил Наташу по щеке. – Она внутренне согласна, но ей трудно: мешает полувековое воспитание

в режиме душевных воздержаний. Моя мама – продукт своей эпохи, и в этом весь секрет! Успокойся! Все отлично. Я люблю тебя.

* * *

Через несколько дней.

Николай Николаевич был профессионалом высшего пилотажа: за несколько дней, пользуясь старыми связями, он собрал весьма внушительное досье на Глеба Рязанова. Память у бывшего министра была отменная: один раз прочитав сведения, он запомнил все, включая даты! Немного поразмыслив, Николай Николаевич решил, что готов к первому раунду переговоров. Хотя профессиональное чутье подсказывало ему, что таких раундов может быть много.

* * *

8 марта того же года.

Глеба разбудил звонок в дверь. Он не сразу понял, чего хотят от него две дородные тетки с кучей бумажек в руках.

– Мы – агитаторы! – громко стрекотали женщины. – Приглашаем вас на выборы!

– А что надо выбирать?

– Это вы так шутите, в честь праздника?

– Праздника?!

– Мужчина, что с вами? Сегодня же 8 Марта!

– А-а-а!

– Поздравлений от вас мы, конечно, не дождемся, так хоть не забудьте двадцать третьего прийти на избирательный участок и исполнить свой долг! – обиженно крикнула одна из теток.

Глеб просто захлопнул дверь:

– Господи! И тут долг!

Он пошел на кухню, поставил чайник на плиту, взял телефон и набрал номер Светланы:

– Любимая, прости меня! Я совсем забыл – голова садовая! С праздником!

– Спасибо, любимый!

– Я всегда в этот день чувствую себя по-дурацки: не знаю, что говорить, что дарить.

– Ничего не надо, глупенький! – звонко рассмеялась балеринка. – Ты позвонил – и это главное! Я очень хочу тебя видеть!

– Я тоже хочу увидеться. Сейчас немного оклемаюсь, соберу мысли в кучку, и мы что-нибудь придумаем. Я перезвоню через час. До встречи.

Глеб положил трубку и задумался. Как ни странно, но при всей безграничной любви к Светлане он не чувствовал себя счастливым. От этой мысли сердце Глеба сжалось и болез-

ненно заняло. Он огляделся по сторонам в поисках предмета, от которого можно было бы оттолкнуться и начать новый день – еще один день без смысла и желаний.

В дверь опять позвонили.

– Да что же это такое? – простонал Глеб.

* * *

За дверью стоял седовласый дяденька лет семидесяти. Одет он был в элегантный, отлично сшитый костюм-тройку синего цвета и начищенные до зеркального блеска туфли. В жилетном кармане поблескивала цепочка старинных часов.

– Позвольте представиться, – сказал дяденька, – Николай Николаевич.

– Вы ко мне? – вежливо спросил Глеб, хотя был абсолютно уверен, что дяденька ошибся дверью, а может быть, эпохой.

– К вам, молодой человек. Позвольте войти?

– Да, пожалуйста! – Глеб посторонился, пропуская необычного гостя.

Они прошли в комнату.

– Присаживайтесь! – великодушно предложил хозяин.

Николай Николаевич осмотрелся и понял, что присаживаться, собственно говоря, некуда: в комнате вообще не было мебели, кроме колченогого стола, старой, на ладан дышащей кровати и туалетной тумбочки.

– Я, собственно, не надолго, – дипломатично вышел из

ситуации Николай Николаевич.

– А я, собственно, даже не знаю, кто вы...

– Тем не менее мы с вами встречались.

– Да? – удивленно приподнял бровь Глеб. – Это что называется знакомы на пятьдесят процентов. Вы меня знаете, а я вас – нет. Чем обязан?

– Видите ли, – мягко начал ас дипломатии, – я представляю интересы близких мне людей – семьи Чалых. Вопрос настолько деликатен, что, даже находясь с вами в давнишних дружеских отношениях, ни Раиса Никитична, ни Сергей Дмитриевич не смогли бы обсуждать с вами его условия.

– Прошу вас, оставьте свою дипломатическую вязь, выразитесь яснее – условия чего?!

– Вашего развода с женой.

– Вот это здорово! А какое отношение к моему разводу имеет Раиса Никитична? Ах, да! Сергей и Наташа... Но я не вижу проблемы. Я давно пообещал, что дам жене полную свободу! Я просто беспокоился по поводу ее и Мишенькиного благополучия.

– Весьма похвально, – улыбнулся Николай Николаевич, – но теперь вам не стоит тревожиться. Сергей и Наталья решили пожениться.

Глеб невесело усмехнулся:

– У меня всегда было ощущение, что я помешал их счастью еще тогда, много лет назад. Но... в чем же деликатность вопроса?

– Дело в некоторых условиях, которые вы должны выполнить.

– Должен?! Вот как! И что за условия?

– Первое – даже не условие, а само собой разумеющееся: никаких имущественных претензий!

– Кого к кому?

– Вы не должны претендовать на часть квартиры семьи Рязановых! Это не по-мужски!

– А вмешиваться в чужую жизнь – по-мужски? – вспыхнул Глеб. Николай Николаевич примирительно поднял руку:

– Не кипятитесь, молодой человек. Я еще не все сказал. Во-вторых, ребенок останется с матерью, и вы не должны контактировать с семьей после развода! Так будет лучше для всех.

– И для моего сына?!

– Но вы ведь не враг себе и ему! Представляете, что будет с мальчиком, если каждый день ему придется сравнивать вас с Сергеем Дмитриевичем. Перевес будет не в вашу пользу!

– Что?! – Глеб задохнулся от обиды. Слова «толпились» во рту, наскაკивая друг на друга, не давая сказать что-либо внятное.

Наконец он глубоко вздохнул и выпалил:

– То есть, выражаясь привычным для вас языком, вы ставите мне ультиматум?

– Пожалуй, – спокойно ответил бывший министр.

– И каков же срок исполнения?

Николай Николаевич, ожидавший шумных объяснений и даже истерик, был приятно удивлен мирным исходом:

– Срок? В разумных пределах: неделя, две.

– Хорошо! Прощайте!

– Мое почтение, – Николай Николаевич вежливо кивнул и удалился с таким видом, как будто за его уходом наблюдали особы королевской крови.

Как только захлопнулась входная дверь, Глеб бросился к тумбочке, извлек из ящика книгу с красивым тиснением и открыл ее там, где была закладка. Он внимательно прочитал несколько строк и тихо пробормотал:

– Это невозможно!!!

* * *

Ближе к вечеру того же дня.

Света и Глеб стояли у стойки бара. Глеб уже был прилично пьян и глаза его лихорадочно блестели:

– Понимаешь, Штейн принес мне эту книгу! Я начал читать – сперва просто так. Потом медленно и осторожно, как сапер. Ты не поверишь: каждая страница, каждая сцена, каждое слово поражали меня в самое сердце. Все, что там написано, – это о моей жизни! Откуда человек, который жил за сто лет до меня, знал все обо мне сегодняшнем?

Глеб одним глотком осушил стакан, поморщился и снова

заговорил:

– Я заставил себя остановиться на том событии, которое произошло со мной несколько дней назад и было описано в книге. Я боялся читать дальше – вдруг загляну в собственное будущее!.. Но сегодня меня буквально добил визит этого Николая Николаевича. Когда он ушел, я бросился к книге и что же? Там все это есть! Чуть по-другому, по-тогдашнему, но по сути – точь-в-точь! Я человек здравомыслящий! В мистику не верю! Но я растерян!

– Любимый, – Светлана обеспокоенно взяла Глеба за руку, – прошу тебя, не примеряй на себя чужую жизнь! Не читай больше эту дурацкую книгу!

– Дело не в этом, – покачал головой Глеб. – Я думаю, если то, что написал Толстой, актуально через сто лет, значит, это типично, а типичное – неизбежно! Оно предначертано кем-то, когда-то! Вот и все! Может, эта книга – своеобразная «мужская библия» и ей нужно безропотно следовать?!

Светлана отпустила руку Глеба и обиженно насупилась:

– Безропотно? А обо мне ты подумал?

– Подумал! Разве тебе хорошо будет со мной мучиться?

– Мучиться?! Да я жить без тебя не могу, не спрашивай почему – не знаю! Вроде все против, а я не могу!

– Какая со мной жизнь?

– Ты – эгоист!

– Нет. Я хочу сделать так, чтобы всем было лучше.

– Нет, нет! – от волнения щеки Светланы порозовели. –

Ты хочешь сделать лучше для себя, а что будет с остальными тебя не волнует!

– Да как ты не понимаешь, что моя жизнь – пустота! Я пропал! Я ни на что не гожусь!

– Я от тебя не отступлюсь! – в глазах девушки сверкнуло упрямство. – Я тебя спасу! Тебе нужно бросить пить!

– Милая, милая балеринка! – грустно улыбнулся Глеб. – Я ведь что ни делаю – всегда чувствую, что это неправильно! И мне стыдно! Я сейчас говорю с тобой и мне стыдно. Стыдно руководить фирмой, к которой не лежит душа, стыдно было врать жене, теще и другим близким и не очень, людям... Я только, когда выпиваю, не чувствую стыда!

Несмотря на протесты Светланы, Глеб наполнил стакан и выпил.

– Ха! А знаешь, девочка, ведь и этот наш с тобой разговор там есть!

– Где?

– В этой чертовой книге!

* * *

15 марта того же года.

Глеб почти кричал в телефонную трубку:

– Инесса, это Рязанов! Где Вячеслав Борисович? До сих пор нет? Когда появится, пусть мне перезвонит – это срочно!

Глеб швырнул трубку:

– Черт, когда надо мне – его нигде нет. А вот когда ему...

В углу комнаты молча сидел Штейн с книгой в руках. Глеб как подкошенный рухнул на кровать и сердито сказал:

– Я обещал этому борову – Николаю Николаевичу не тянуть. Уже прошла неделя. Вот-вот вернется хозяин квартиры. А я не готов!

– А я вот подготовился основательно! – ухмыльнулся Штейн, перелистывая книгу. – Вот послушай. «Мы не убиваем себя, но можем себя убить. Это чудодейственное средство. Не будь под рукой этого кислородного баллона, мы бы задыхались, не могли бы жить. Когда смерть рядом, то становится возможной жизнь, ибо именно смерть дает нам воздух, простор, радостную легкость, движение – она и есть возможность!» Что скажешь?

– Красиво! Но знаешь, я всю жизнь без зазрения совести «вешал лапшу на уши», а сейчас, когда нужно сделать это во благо всех, я не могу! Мне тяжело!

Зазвонил телефон.

Глеб схватил трубку.

– Слава, ты?!

– Глеб Валериевич, это Марина! – послышался из трубки смутно знакомый голос.

– Какая Марина?

– Марина Яровая, бухгалтер.

– Да, я слушаю!

– Глеб Валериевич, кредитные деньги поступили. Я их перечислила по вашим платежкам...

– Подождите, Марина! – завопил Глеб. – Какие платежи? Где Чередниченко?!

– Я не знаю, его второй день никто не видел! Что делать с контрактами? Если мы не поменяем спецификации, то они нам ничего не поставят!.. Глеб Валериевич, вы меня слышите?

– Слышу...

– Так что вы скажете?

– Найдите Чередниченко, и пусть он мне позвонит! Все!

Штейн внимательно наблюдал за другом:

– Что-то серьезное?

– Пока не знаю!

* * *

Наплыв. Утопленник.

* * *

18 марта того же года.

Наташа и Сергей лежали в постели, глядя друг на друга.

– Когда в новогоднюю ночь я тебя позвала, я уже знала, что у нас все получится, – сказала Наташа, вычерчивая паль-

чиком на обнаженной груди Сергея замысловатые фигуры.

– А я ничего не понял! – признался Сергей. – Когда ты дала мне письмо для Глеба, у меня сердце оборвалось.

Наташа нежно поцеловала его в шею:

– А я тогда очень хотела, чтобы ты вернулся один...

– Господи. А я думал, что не справился, и ты теперь будешь меня ненавидеть.

– А я все эти годы мучилась тем, что любила двоих. Я не понимала, как такое возможно, и это страшно меня пугало...

– А я убедил себя, что любовь к жене друга – это недостойно и нужно заставить себя...

– А я знала, что это еще не все, – прервала его Наташа, – знала, что будет продолжение!

Они прильнули друг к другу.

* * *

20 марта того же года.

Глеб хлебнул коньяка прямо из бутылки, поспешно натянул куртку и взялся за ручку входной двери. Дверь открылась сама, и от неожиданности Глеб отшатнулся. На пороге стояла Саша.

Рязанов мученически закатил глаза:

– Только не это!

– Здравствуй, Глеб! – в голосе Саши чувствовалась уве-

ренность. – Можно войти?

– Сашенька прости, но я спешу!

– Я ненадолго, – девушка решительно шагнула в квартиру, и Глебу пришлось смириться.

Саша прошла в комнату, села на краешек кровати:

– Глеб, я пришла просить тебя вернуться домой.

Рязанов нахмурился:

– Это невозможно! И ты на моем месте поступила бы точно так же.

– Как?

– Ты не стала бы мешать чужому счастью.

– Мешать? Да Наташа жить без тебя не может!

– Может! И будет счастлива. Гораздо счастливей, чем со мной.

– Глупости!

– Это тебе так кажется!

– Если бы я была на ее месте...

– Сашенька, Сашуля, – сказал Глеб, – давай прекратим этот разговор!

– Неужели все так и закончится?!

– Да. Так будет правильно.

– А как же Миша?

– Бабушка что-нибудь для него придумает. Рязановы всегда знают, что сказать!

– Но это нечестно... – Саша неожиданно расплакалась.

– Сашенька, – растерялся Глеб, – не нужно плакать. Все

утрясется! Да, я Наташин муж, отец ее ребенка, но я – лишний! Постой, не говори ничего! Ты думаешь, я ревную? Ничегошеньки! Не имею права, не имею повода. Сергей – мой друг, но он любит ее, а она любит его!

– Нет, не любит! – сквозь слезы пробурчала девушка.

– Любит, и полюбит еще сильнее, когда препятствие будет устранено.

– Странно! Так и мама говорит!

– Вот видишь, она мудрая женщина. Все будет хорошо! Поверь! А сейчас, извини, но я, правда, очень спешу! Прощай!

* * *

22 марта того же года.

Глеб и Штейн стояли у парапета набережной. Пили из пластиковых стаканчиков, курили. Вдруг Глеб достал из-за пояса брюк книгу:

– Я возвращаю тебе Толстого, друг. Я не дочитал до конца. Хочу остановиться.

Штейн удивленно вскинул брови, и Глеб продолжил:

– Ты все знаешь. Я не сбегаяю. Просто мне кажется, что принимать эти условия развода, даже такой, как я, – не должен! Собственноручно отказаться от сына – это уж слишком! Я не буду ставить точку! Я поставлю многоточие! Правиль-

но?!

Штейн одобрительно улыбнулся и процитировал:

«Стойкие люди учат, что не должно сетовать на жизнь: дверь тюрьмы всегда открыта! Ты принял решение! С этого момента – ты неуязвим!» Неглупый человек сказал – верно! Да здравствуют самоубийцы!!!

* * *

30 марта того же года.

У самой кромки льда, где вода пузырилась и трепетала на мартовском ветру, лежала куртка Глеба, из кармана которой выглядывали документы.

* * *

1 апреля того же года.

В гостиной Рязановых было тихо. Тихо настолько, что тиканье часов казалось боем курантов. Наташа выглядела, как провинившаяся школьница. Мария Николаевна, поджав губы, смотрела в окно. Саша в ужасе кусала ногти и таранилась на мужчину, стоявшего в центре комнаты.

– Куртка и документы – это все! – деловито сообщил мужчина. – Когда в последний раз вы его видели?

– Давно, – ответила за всех Мария Николаевна.

Саша не сдержалась и громко всхлипнула.

– Может, он позвонит или сообщит о себе, – предположил мужчина. – Если хотите, будем подавать в розыск.

– Делайте, как положено! – глухо сказала Наташа.

* * *

1 июля того же года.

Наплыв. Утопленник на берегу.

* * *

10 июля того же года.

Наташа, Сергей и следователь шли по длинному коридору морга. Сергей говорил шепотом, чтобы не слышала Наташа:

– Я прошу вас... Вы должны быть деликатным... Она не совсем здорова...

Все трое вошли в «мертвецкую». Подошли к столу. Следователь привычным жестом откинул простыню.

Наташа покачнулась. Сергей подхватил ее, и она обмякла в его объятиях.

– Вы его узнаете? Это он? – спокойно спросил следователь.

Наташа сделала попытку взглянуть на останки, но ее замутило, и она стала оседать.

– Он! Он! – почти выкрикнул Сергей, страстно желая, чтобы эта пытка, наконец, закончилась. – Я же вас просил!

Следователь прикрыл труп простыней и что-то записал в своей папке...

Усадив Наташу в машину, Сергей тихо и очень заботливо прошептал:

– В твоём положении, любимая, не надо было сюда ходить. Хотя, конечно, это был наш последний долг перед ним!

Машина тронулась в «светлое будущее».

* * *

7 ноября того же года.

Шлепая по лужам, под колючим, морозящим дождем, участковый Мельниченко нехотя обходил свой участок. Дежурство, да еще в непогоду, всегда портило ему настроение, и участковый был зол, как черт. Необходимо было срочно восстановить расположение духа. Для этого как нельзя лучше подходила «Катакомба» – длинная, темная забегаловка, расположенная на вверенной Мельниченко территории. Тут он чувствовал себя, как барин в родовом имении. Все, начиная от охранников и заканчивая директором, готовы были услужить «отцу родному» Мельниченко.

С суровым выражением лица участковый проследовал через длинную кишку коридора «Катакомбы» в самый дальний угол, где его ждал столик, облюбованный давно и, видимо, навсегда.

Официант проворно смахнул со стола крошки и шепотом спросил:

– Как всегда?

– Да нет, родимый! – осклабился Мельниченко. – Сегодня, как-никак, праздник, уже не официальный, правда, но праздник.

– Понял! – услужливо улыбнулся официант. – Постараюсь!

– Да, уж постарайся!

Пока официант суетился, участковый лениво рассматривал посетителей: иногда попадались интересные экземпляры. За соседним столиком сидело двое мужчин: они о чем-то громко спорили – видать, крепко выпили.

Мельниченко невольно прислушался: мужчина, что сидел к нему лицом, в чем-то упрекал собеседника, но тот все твердил:

– Нет, нет, нет! Все было не так!

Потом они перешли на шепот, и участковый уже не смог ничего разобрать.

Появился официант и стал ловко расставлять тарелки с закусками.

Мельниченко, кивнув на мужчин, спросил:

– Это кто там зависает? Постой! Того, что ко мне лицом, я, кажется, знаю – это придурковатый «астроном»? Правильно?

– Совершенно верно! – подтвердил официант. – Но ведет он себя всегда тихо.

– Угу. А второй кто? Что-то я его не припомню...

– Этот бывает редко. Всегда сидит один. Пьет исключительно коньяк и закусывает шпротами. У нас их сроду не было, сто лет никто не заказывал, пришлось бежать в магазин.

– А чего он в шинели? Военный, что ль?

– Да, вроде, нет! Просто носит шинель. Сейчас не поймешь – кто есть кто! Тем более в нашем заведении, – официант заискивающе хихикнул. – Вы же знаете наш «контингент».

– Ладно! С праздничком! – Мельниченко глотнул обжигающе холодной водки и смачно хрустнул соленым огурчиком.

А за соседним столиком разговор снова перешел на повышенные тона.

– Еще раз объясняю, – горячился мужик в шинели, – все было не так! Никто меня не вынуждал! Я сам все решил и сам все сделал! Это принципиально!

В говорившем человеке с трудом можно было узнать Глеба Рязанова. Он сильно похудел. Давно не мытые, длинные волосы падали на плечи, но, как ни странно, новый облик его не портил. Скорее, наоборот – казалось, Глеб сбросил десяток лет, а его темные глаза лучились не присущим им ранее

светом.

– Вы должны понять, – убеждал Глеб собеседника, – когда я это сделал – все изменилось! Наконец-то умер всем ненавистный и никому не нужный Глеб Рязанов и появился некто новый... пока без имени и фамилии, но – новый! Он не знает, что будет дальше, он прячется ото всех, он боится выходить на свет, но... он свободен! Он принадлежит самому себе и он, наконец, никому ничего не должен!

– Я понимаю, но...

– Никаких «но»! Вы думаете, мне сразу стало легко? Не тут-то было! После «самоубийства» мучила совесть: имел ли я право так поступать с близкими? Я даже хотел «воскреснуть»! Но... стоило мне представить все унижения и стыд, через которые придется пройти, как я все глубже и глубже погружался в холодную воду забвения, где и надлежит быть утопленнику! Это сродни тому, что чувствуют идущие в ледяную купель во время крещения, надеясь выйти из нее новыми людьми!

Глеб налил в захватанный бокал коньяка и выпил.

Мельниченко уже давно, затаив дыхание, слушал этот разговор и сейчас поймал себя на том, что налил и выпил одновременно с говорящим.

Астроном качал головой и восторженно смотрел на Глеба:

– Знаете, я сделаю вам гороскоп! – предложил он. – Мы заглянем в ваше будущее!

– Не надо! Прошу вас, не надо! – замахал руками Глеб. –

Я не хочу ничего знать!

– Ну, хорошо! – слегка обиделся Астроном и, чтобы сменить тему, спросил: – А, что ваши близкие, они вас искали?

– Все было, как в бразильском сериале: они нашли «мое» тело!

– Как это?!

– Не знаю. Подробности я не знаю. Думаю – всех просто устроила смерть Глеба Рязанова. Моя жена стала супругой преуспевающего дипломата. Мой сын – продолжателем славных дипломатических традиций и даже моя теща снова обрела солидный статус!

– Вы говорите – это устроило всех? И ту девушку? Ну... балерину!

– О! Эта рана кровоточит до сих пор! Сколько раз я хотел прийти к ней, все объяснить! Но я был бы последним подлецом, если бы испортил ее молодую жизнь!

Они еще выпили. Взгляд Глеба затуманился и стал мечтательным:

– Если бы вы видели, как она танцует! – с восхищением и горечью произнес он. – Иногда, по вечерам, я прохожу мимо театра. Там, с тыльной стороны, есть окна репетиционного зала. Пару раз мне удалось ее увидеть.

Глеб замолчал, погрузившись в сладкие воспоминания.

Мельниченко как милиционер почувствовал непреодолимое желание задать вопрос, но Астроном его опередил:

– А на что же вы живете?

– Ха! – Глеб хитро прищурился. – Все-таки есть один человек, который знает все! Но это военная тайна!

Участковый Мельниченко был человеком смекалистым.

«Этот парень, – промелькнуло в его голове, – курица, способная нести золотые яйца!»

Участковый встал и очень спокойно, чтобы не вспугнуть жертву, подошел к соседнему столику. Глеб и Астроном смолкли.

– Вы меня не бойтесь, – улыбнулся Мельниченко, демонстрируя пожелтевшие от курева зубы. – Я по-хорошему!

Он придвинул стул и по-приятельски подсел к чужому столу. Глеб и его собеседник настороженно наблюдали за незванным гостем.

– Я случайно слышал ваш разговор, – не стал ходить вокруг да около Мельниченко, – тут может получиться интересная комбинация. Вы вроде бы утопшим прикидываетесь? Я правильно понял?

– А что, собственно, вам нужно? – спросил Астроном.

– Я не с тобой говорю, алкаш! – рявкнул Мельниченко и, повернувшись к Глебу, менее грозным тоном добавил:

– Так я прав?

– Ну и что из этого? – нахмурился лжеутопленник.

– А жена ваша с вами в разводе? – не унимался Мельниченко.

– Да какое это имеет значение?! – разозлился Глеб.

– Ну, если вы с ней не развелись, а она выскочила за дру-

того, то можно ее и к суду привлечь. Смекаете, о чем я толкую?

– Нет!

– Поясню. Нынешний муж супружницы вашей – дипломат, если не ошибаюсь? Наверняка человек не бедный! Как думаете, много он заплатит за то, чтобы вы, извиняюсь за каламбур, не всплывали?

Глеб хлебнул из бокала и свирепо посмотрел на сидящего напротив милиционера.

Участковый запустил руку в коробку шпрот, подцепил рыбешку и отправил ее в рот.

– Если выяснится, что вы не утопли, у жены вашей и ее дипломата будут большие неприятности, – сказал он, слизывая масло с пальцев. – Я, между прочим, юрист и законы хорошо знаю!

В этот момент в дальнем углу «Катакомбы» раздался истеричный женский вопль и звон бьющегося стекла. Руководствуясь чувством долга, Мельниченко метнулся в сторону «инцидента». Как он и предполагал, происшествие оказалось пустяшным: банальная драка по пьяни. Когда участковый вернулся к столику, ни Астронома, ни «утопленника» уже не было. Мельниченко почесал бритый подбородок и, загадочно усмехнувшись, пошел к выходу.

* * *

11 ноября того же года.

Был вечер. Шел легкий снежок. Глеб стоял на улице и ловил ртом снежинки, думая о том, что ему позарез необходимо выпить. Он только что видел в окно репетиционного зала Светлану – такую хрупкую, красивую и до боли любимую. Глеб тяжело вздохнул и пошел вниз по улице. Поворачивая за угол, он практически налетел на участкового Мельниченко. Бульдोजным, тренированным движением милиционер схватил Рязанова за шиворот и энергично встряхнул:

– Чудо в перьях! – зашипел он Глебу в ухо. – Слушай меня внимательно! Мельниченко никогда ничего просто так не говорит. Если я с тобой, гнида, объяснялся как с человеком, то это нужно ценить. Завтра утром встретимся в «Катакомбе» и все обсудим. Вопросы?

Рязанов отрицательно покачал головой. Мельниченко разжал пальцы, и Глеб немедленно попытался отойти на безопасное расстояние, но участковый придержал его за плечо. Он по-хозяйски одернул скособочившуюся на Рязанове шинель и даже сделал вид, что сдул с нее пылинку. Затем многозначительно заглянул Глебу в глаза и, наконец, оставил его в покое. Рязанов еще немного постоял, глядя вслед удаляющемуся милиционеру, и желание выпить окрепло в нем до

предела.

* * *

12 ноября того же года.

Глеб даже не собирался идти в «Катакомбу». Он только сожалел о том, что остался в городе – нужно было «исчезнуть» основательно. Побросав в сумку жалкие пожитки, он последний раз окинул взглядом свою берлогу и вышел. Арестовали, вернее, задержали его в этот же день. Он шел по улице в своей неказистой шинели, когда его нагнал милицкий «бобик». Выскочивший из машины молодой сержант очень вежливо попросил предъявить документы. У Глеба их не было...

* * *

15 ноября того же года.

Наташа и Сергей стояли на верхней галерее Эйфелевой башни и любовались панорамой города. Они уже третий день находились в Париже. Вообще-то Наташа не хотела ехать – все же восьмой месяц беременности, но Сергей и Раиса Никитична настояли: будущего ребенка нужно воспитывать в утробе матери.

В кармане у Сергея зазвонил мобильный:

– Да! Я слушаю!.. Простите, но я за границей... Нет, говорите!..

Наташа с любопытством смотрела на Сергея, пытаясь понять о чем идет речь.

Сергей отвернулся и отошел шагов на десять.

Говорил недолго. Потом подошел к Наташе и тихо сказал:

– Мы возвращаемся!

– Что стряслось? Что-то на работе?

На мгновение Сергей замялся, но все же ответил:

– Не хотел тебя волновать, но ты все равно скоро узнаешь... Он жив!!!

* * *

Штейн нашел каких-то влиятельных знакомых, те подсустились и ему разрешили короткое свидание с Глебом.

Они сидели напротив друг друга и улыбались.

– Конспираторы хреновы! – хмыкнул Глеб.

– Да уж! – согласился Штейн. – Но я уверен, что тебя скоро отпустят. Ну, без документов. Ну, бомжевал. Так что? Этим сейчас никого не удивишь. Другое дело, что это уже не будет нашей военной тайной!

– Я думаю о них...

– О ком?

– О Наташе и Сергее! Все вернулось на исходную – это

скверно!

– Не убивайся! Мы что-нибудь придумаем, дружище!

* * *

26 ноября того же года.

Сергей сидел за рулем своего автомобиля в глубокой задумчивости.

Он остановился на перекрестке. Светофор уже давно переключился на зеленый, сзади сигналили, а он не двигался. Наконец, опомнившись, он выжал сцепление. В тот же момент на светофоре зажегся красный. Раздался отчаянный визг тормозов!

Вытирая платком кровь, сочащуюся из ссадины на лбу, Сергей вошел в кабинет следователя. За грубо сбитым, деревянным столом, видимо стоявшим здесь с восьмидесятых, сидел широкоплечий мужчина и что-то быстро писал. Он поднял голову, окинул Сергея «рентгеновским» взглядом и спокойно спросил:

– Кто вы?

– Чалый, Сергей Дмитриевич! – представился посетитель.

– Почему голова разбита?

– Попал в аварию. Но это не имеет значения. Вам ведь звонили из МИДа?

– Да. Звонили... А где... – следователь заглянул в бумаги,

лежащие на столе, – Наталья Васильевна?

Сергей достал из внутреннего кармана пальто сложенный вдвое листок:

– Вот справка, – сказал он, – Наталья Васильевна на последнем месяце беременности. Если необходимо присутствие адвоката...

– Пока не нужно. Присаживайтесь!

Сергей опустился на стул и только теперь почувствовал, как сильно болит голова. Следователь внимательно изучал посетителя, постукивая шариковой ручкой по столу.

– Сергей Дмитриевич, учитывая вашу должность, предполагаю, что вы уже получили квалифицированную юридическую консультацию?

– Конечно! И сразу хочу заметить, что мои адвокаты легко докажут мою непричастность к делу!

– Ну конечно.

– Что касается моей жены, то...

– Я бы не торопился с выводами!

– Что вы имеете в виду? Это простое стечение обстоятельств! Когда обнаружили труп, нас вызвали для опознания, и Наталья Васильевна, будучи в положении, по вполне объективным причинам приняла тело утопленника за тело Глеба Рязанова!

– Это нам известно!

– Так в чем же дело?

– А в том, – ехидно улыбнулся следователь, – что фирмой

«Дженерал» в марте месяце этого года была открыта кредитная линия в «Пром-Бизнес-Банке» на сумму два миллиона долларов США. Деньги были переведены по платежным поручениям, подписанным рукой директора.

– Я не понимаю, какое это имеет отношение к нам?

– Директором фирмы является Глеб Валериевич Рязанов – бывший муж вашей жены. Впрочем, почему бывший?

– И что? – насторожился Сергей.

– А то, что деньги ушли, а товар не пришел. Кредит не возвратный! Понимаете?!

– Не понимаю!

– Напрашивается версия: Глеб Рязанов присвоил, а можно сказать конкретнее – украл деньги и в сговоре со своей женой Рязановой Натальей Васильевной инсценировал самоубийство. Жена опознала в трупe мужа, а он, оказывается, жив. Теперь понимаете?!

В кабинете воцарилась тишина. Сергей нервно барабанил пальцами по краешку стула. Он ожидал настоящей юридической схватки с примитивным следователем и даже был готов, если потребуется, прибегнуть к авторитету своего ведомства, но убийственная нелепость изложенной версии сразила его наповал!

Следователь шумно закрыл папку, давая понять, что разговор окончен:

– Пусть мне позвонит ваш адвокат, – сухо сказал страж закона, – или адвокаты, для надежности.

* * *

29 ноября того же года.

Штейн орал в трубку телефона-автомата:

– А кто же за него заступится?! Ты же был ему другом! Другом! Он ведь сделал это ради вас! Да, ради ваших с Наташей чувств!.. Ты издеваешься?! Какие деньги?! Глеб и деньги!.. Он мог сделать любую глупость, только не украсть! Это же Глеб! Г-л-е-б! Глебушка! Ребята, помогите!!!

* * *

5 декабря того же года.

На фоне двух МИДовских юристов, одетых в строгие, темные костюмы, следователь и представитель прокуратуры выглядели серо и невыразительно.

Один из адвокатов вынул из кожаной папки лист бумаги и передал его прокурору:

– Это письмо подписано заместителем министра! Мы надеемся на понимание со стороны следствия – речь идет о репутации нашего ответственного работника!

– Хорошо, мы это учтем, – сказал прокурор, близоруко прищурившись на текст письма.

– Наше ведомство также просит принять во внимание положение, в котором находится Наталья Васильевна Рязанова, – продолжил адвокат.

– Я обещаю вам соблюдение всех норм гуманного обращения с подсудимыми.

– Почему подсудимыми?

– Извините, оговорился... – прокурор смущенно кашлянул и повернулся к следователю:

– Начнем?

Следователь нажал кнопку вызова:

– Пригласите Рязанову и Чалого!

В кабинет вошли Наташа и Сергей. Наташу усадили в кресло. Сергей присел на стул рядом.

– Наталья Васильевна, – начал следователь, – мы пригласили вас на предварительную беседу с целью получить некоторые разъяснения по делу Глеба Валериевича Рязанова. Вы готовы дать показания по поводу случившегося?

– Да, – тихо произнесла Наташа.

– Хорошо. Было ли вам известно, что ваш муж взял крупный кредит в банке?

– Нет. Мы давно не виделись и даже не общались по телефону.

– От кого вы узнали, что он покончил жизнь самоубийством?

Вмешался адвокат:

– Это не корректно! Наталья Васильевна знала, что Ряза-

нов пропал. Потом в реке была найдена его одежда и, учитывая то обстоятельство, что Глеб Валерьевич не умел плавать, логично было предположить, что он утонул.

– Хорошо, – следовательно метнул в адвоката неприязненный взгляд. – Тогда объясните, как двое взрослых людей могли опознать в совершенно обезличенном трупe близкого человека?

Сергей не сдержался:

– Да что же это такое! Вам же человеческим языком объяснили...

Один из адвокатов положил ему руку на плечо и спокойно произнес:

– Мы беседовали с медэкспертами. Они подтвердили, что тело было обезображено до неузнаваемости.

– Вот именно! – согласился следователь, – до не-у-зна-ва-е-мос-ти! А ваши клиенты узнали в нем Глеба Рязанова! Почему?

Прокурор что-то черкнул в блокноте и констатировал:

– Факт опознания не в вашу пользу, господа!

Сергей и адвокаты обеспокоенно переглянулись. Следователь вопросительно посмотрел на прокурора, как бы спрашивая согласия, и наклонился к кнопке вызова:

– Введите Рязанова!

Увидев Глеба, Наташа ойкнула и инстинктивно прижалась к Сергею.

Этот Глеб был мало похож на того мужчину, которого она

так любила когда-то. Он тяжело сел на стул и, не глядя на окружающих, сказал:

– Простите, ребята.

Наташа уже не могла сдержать слез и заплакала, громко всхлипывая.

Прокурор взглядом показал следователю, что можно продолжать.

– Рязанов, – обратился к Глебу следователь, – что побудило вас симулировать самоубийство?

– Я ничего не симулировал, – покачал головой Глеб. – Я действительно убил Глеба Рязанова. Просто избавился от бесполезного и никому не нужного человека. Вот и все.

– Очень интересно, но хочу предупредить, что от того, что вы сейчас скажете, зависит не только ваша судьба, но и судьба ваших близких. Повторяю вопрос: почему вы решили исчезнуть?

– Я хотел... Я многого хотел, но у меня, как и все в моей жизни, получилось по-дурацки!

– Так, так, – нахмурился следователь. – Задам вопрос по-другому: ваше исчезновение связано с кредитом?

– При чем тут кредит? – удивился Глеб.

– Вы признаете получение вашей фирмой кредита в «Пром-Бизнес-Банке»?

– Признаю. Но в последнее время я практически отошел от дел – всем занимался мой заместитель.

– Вы имеете в виду Чередниченко Вячеслава Борисовича?

– Совершенно верно... Можно попросить воды?

– Потерпите. Давайте закончим. Документы на кредит подписывали вы или Чередниченко?

– Кажется, я!

– Отвечайте конкретно: да или нет!

– Ну, да! Вы можете узнать подробности у Вячеслава Борисовича.

– В том-то и дело, что не можем – Чередниченко исчез! Не так эффективно, как вы, но уже давно и, думаю, надолго.

– А фирма? Что с фирмой?

– Рязанов! – следователь повысил голос. – Кто придумал аферу с кредитом? Чередниченко? Вы? Или может кто-то третий? Какую роль сыграла в деле ваша жена?!

Один из адвокатов резко поднялся:

– Господин прокурор, вы обещали!

– Да, Вадим Николаевич, – прокурор предостерегающе коснулся руки следователя, – воздержимся от обвинений... Покамест.

Услышав последнюю реплику, Глеб разозлился:

– Погодите! Меня задержали за то, что у меня не было документов, правильно? Тогда какое отношение имеют эти два человека, – он указал на Наташу и Сергея, – к моей работе?

– Разбираясь в вашем деле, Рязанов, – жестко сказал прокурор, – следствие установило, что вы симулировали собственную смерть. Затем Наталья Васильевна, умышленно или нет, нам пока не известно, опознала останки. Пытаясь

выяснить причины вашего более чем странного поведения, мы натолкнулось на историю о невозвратном кредите. Теперь факт вашей подложной смерти предстал в совершенно ином свете. Я доходчиво объясняю?

– Дайте попить!

* * *

Позже. В тот же день.

Наташа сидела в машине, стараясь уловить суть разговора между Сергеем и адвокатами. Они стояли рядом с автомобилем, но говорили так тихо, что слышно было только обрывки фраз:

– ... А в худшем случае?

– ... До четырех!..

– ... Вы, конечно, вне игры!..

– ... Мы все подготовим!..

– ... Тяжелую артиллерию пока подключать не имеет смысла...

Сергей опустился на сиденье рядом с Наташей и устало потер виски.

Она взволнованно коснулась его руки. В ее больших, зеленых глазах читался немой вопрос: – ну, что?

Сергей взял голову Наташи в ладони и крепко поцеловал ее в сухой, горячий рот:

– Родная моя. Я так долго ждал тебя, что уже никогда не отпущу. Я сделаю все, чтобы ты была счастлива.

* * *

7 декабря того же года, ночь.

Глеб лежал с закрытыми глазами на скрипучей койке в КПЗ, но он не спал.

Не спал уже вторую ночь! Он думал: как он, человек, в общем-то, не глупый, мог увлечься чужой жизнью – жизнью Феде Протасова? Проклятая книга! Он ведь соврал тогда Штейну – он дочитал ее до конца! Все казалось таким простым и ясным. Нужно поступить, как Федя – раз и нет тебя!

– Страус-дебил! – чертыхнулся Рязанов. – Решил спрятать голову в песок, а там бетон!

Он не только подвел жирную черту под собственной жизнью, но и поставил под удар Наташу, сына, а дальше – целую цепочку жертв!

– Ты хотел свободы? – сказал себе Глеб. – Теперь лети!

Вдруг его кто-то тихо позвал:

– Глеб! Глеб, ты меня слышишь?

Рязанов приоткрыл глаза. В полумраке маячило чье-то лицо.

– Кто это?

– Это я – Юра Лисичкин! Помнишь меня?!

Глеб приподнялся на локте и внимательно посмотрел на говорившего.

– Какой Юра?

– Лисичкин! 42-я школа, 9 «А». Вспомнил?!

Фамилия была знакомой, но внешность человека не совпадала со школьными воспоминаниями.

– Кажется, вспомнил, – неуверенно сказал Глеб. – А... ты здесь за что?

– Как и все – по недоразумению!

– Я тебя здесь раньше не видел!

– Тут текучка! Меня сегодня привезли. Смешная история: нас забрали прямо с футбола – пиво, семечки, драка! А ты тут почему?

– А я сам – недоразумение!

– Как всегда остришь! Я тебя еле узнал! Весь вечер смотрю – ты или не ты! Меня завтра, наверное, выпустят, дай, думаю, поговорю!

– Правильно сделал, а то мне так хреново!

– Что с тобой? Я тебя не узнаю! Ты и скулеж! Не верю своим ушам!

– Все меняются...

– Нет, дорогой! – воскликнул Лисичкин. – Ты не должен меняться! Не имеешь права! Ты ведь для всех нас, кто учился с тобой в классе, да что там в классе, в школе – был примером для подражания! «Глеб сказал!», «Глеб сделал!», «Глебу понравилось!» Такое не забывается! А стихи? Твои лю-

бимые!

Нас не нужно жалеть, ведь и мы б никого не жалели!
Мы пред нашим комбатом, как пред Господом Богом,
чисты!

На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у павших зацвели полевые цветы...

Помнишь?! Это же был наш гимн!

Это забывать нельзя!!! Нель-зя!!! Вот и все тут!!!

Они закурили, и терпкий табачный дым скрыл их лица в сумраке.

* * *

10 декабря того же года.

Следователь холодно взглянул на вошедшего Глеба и молча указал на стул. Глеб сел, спинным мозгом чувствуя надвигающуюся угрозу. Следователь еще довольно долго что-то дописывал и только когда закончил, произнес:

– Послушай меня, Рязанов, – без протокола.

Он помолчал, видимо подбирая нужные слова:

– Таких, как ты, – я не люблю с детства. Почему так говорю? Потому что не поленился и покопался в твоей биографии. Вы – вшивые интеллектуалы всегда презирали нас – детей из «спальных» районов! Вам кажется, что только по-

тому, что вы прочитали на две книжки больше, вы достойны лучшего – и работа почище и бабы потолще! Ведь так?!

Глеб молчал.

– Мы фамилий не меняли! – гнул свое следователь. – На знатных тестях не женились! И когда «лафа» кончилась, чужих денег – нагло не крали. Мы сами учились жизни! Сами пробивались! Сами горбатились! Поэтому ты для меня не загадка! Ни тебя, ни твою мадам, ни этого ее «запасного» мужа ваши адвокатишки не отмажут! Клянусь! Это вопрос принципа! И ты, Рязанов, убогого из себя не корчи! Прокурор – он тоже из «спального»! Уразумел?! Так что получите по полной программе!

Глеб пристально посмотрел на следователя:

– Я тоже тебе скажу – без протокола. Беда в том, что ты и тот участковый, что на меня донес, однажды решили, что можете судить! Поторопились вы, друзья. Суд будет, но судить будете не вы! И вот тогда мы славой, в смысле кто из какого района, сочтемся! Так что вы для нас – не судьи!!! И не тужься сильно, а то сам знаешь, что может приключиться!

Следователь криво ухмыльнулся и нажал на кнопку:

– Уведите!

Уже с порога Глеб обернулся:

– И если суд, – он показал пальцем в потолок, – случится, то участковый уж точно будет раскаленную сковороду лизать! Так ему и передай!

* * *

В тот же день.

Штейн мчался по улице, не замечая снежно-грязной каши, чавкающей под ногами и забивающейся в туфли. Не замечая, что шарф вылез из пальто и развеивается за его спиной, как флаг. Он не видел ничего, кроме конечной точки своего «марафона» – дома Чалых! Он влетел на крыльцо и даже не стал искать звонок – заколотил в дверь кулаками!

Дверь открыла Раиса Никитична, и Штейн, как полоумный, завопил ей в лицо:

– Я нашел его! Слышите, я нашел!

* * *

Сергей напряженно слушал сбивчивый рассказ Штейна. В комнате кроме них находились Наташа и Раиса Никитична.

Женщины молчали. Сергей задавал вопросы:

– И как он туда попал?

– Он говорит, что как только деньги были переведены, вышел указ о новом налоге, который делал сделку пролетной, в смысле убыточной! Нужен был контроль оттуда! Глеб к тому времени «утонул»! Вот Чередниченко и сел в самолет и отъехал до лучших времен!

– А как он объявился?

– Он позвонил нашему общему знакомому и попросил помощи на таможне, а тот, зная ситуацию с Глебом, когда услышал его голос, чуть сознание не потерял!

– А откуда он звонил?

– Оттуда! Но товар, который должен был поступить по контракту, уже на границе – вот зачем нужна была помощь с таможней!

– А он сам-то приедет?!

– Да! Он уже звонил в банк, чтобы они взяли под контроль получение и реализацию товара, а сам приедет с последней партией!

Присутствующие переглянулись, невероятное облегчение отразилось на их лицах. Сергей весело хлопнул себя по колену:

– Все хорошо, что хорошо кончается!

Штейн заволновался:

– А как же Глеб? Надо звонить в милицию!

– Я сейчас же перезвоню адвокатам. Они все сделают!

Наташа бросилась в объятия Сергея. Он крепко обнял любимую и, глядя через ее плечо, совсем по-мальчишески улыбнулся матери.

* * *

В камере было тихо. Только ленивое жужжание мухи, на-

матывающей круги вокруг голой лампочки под потолком, нарушало тишину. Глеб и Сергей молча сидели рядом, но друг на друга не смотрели. Адвокаты сосредоточенно пере-кладывали документы из одной папки в другую. Наконец один из них нашел нужный экземпляр и протянул Глебу:

– Подпишите вот здесь – внизу... И тут тоже!.. Благодарю! Я думаю, это все.

Сергей, заранее зная, что ответит адвокат, спросил:

– Так, значит, можно рассчитывать, что Глеба Валериевича освободят из-под стражи прямо в зале суда?

– Абсолютно!

– Спасибо! А теперь, если можно, оставьте нас одних!

Адвокаты поспешно сгребли бумаги в портфели и удалились. Глеб, все это время смотревший в пол, поднял глаза:

– Спасибо тебе, Серега!

– О чем речь? Мы же друзья!

– Да, конечно! Как Наташа?

– Хорошо! Мы очень волновались за ребенка! Но теперь все нормально! Она хотела прийти, но... неважно себя чувствует!

– А как Мишаня?

– Отлично! Ждет братика... Ну, ты понимаешь – ему ведь ни о чем не рассказывали...

– Да ты не тушуйся! Все правильно! Для мальчика так будет лучше! Верно?

Сергей кивнул и неожиданно виновато посмотрел на дру-

га:

– Послушай, у нас с Наташей к тебе просьба...

– Говори!

– Наташе скоро рожать... Мы хотели побыстрее уладить все формальности... Отсюда дадут справку для загса... Нужно все переоформить, понимаешь?

– Я сделаю все, что надо. Пусть не волнуется.

– Спасибо! Может, тебе до суда что-нибудь нужно? Мы все привезем.

– Пусть Штейн найдет балеринку! Он знает!

– Это все?

– Все.

* * *

20 декабря того же года.

Штейн мерил шагами коридор суда. Он не хотел заходить в зал, пока не увидит Глеба – его должны были привезти с минуты на минуту. Сегодня Штейн разыскал Светлану, она была счастлива. У нее репетиция в театре, но она все бросит и прибежит.

Остальные участники событий уже давно сидели в зале. Адвокаты были готовы дать разгромный бой стороне обвинения, все остальные – были готовы поздравить их с победой. Не хватало главного действующего лица.

Штейн тихо проскользнул в зал и сел в последнем ряду.

Появилась секретарь суда – она поискала кого-то глазами, не нашла и снова скрылась за дверью. Сердце Штейна бешено заколотилось, когда вновь появившаяся секретарь суда подозвала адвокатов и увела их в комнату судей. Наконец дверь судейской распахнулась. Первыми вышли адвокаты и молча прошли на свои места, затем в центр зала вышла секретарь и негромко объявила:

– Судебное заседание отменяется ввиду кончины ответчика.

Сначала никто не понял, о каком ответчике идет речь, потом кто-то тихо ойкнул.

Сергей метнулся к адвокатам:

– Что с ним?!

– Просто сердце...

Штейн опустил голову и прошептал:

– Он ее дочитал!!!

* * *

Такси, в котором ехала Светлана, попало в «пробку». Девушка открыла дверцу, выпорхнула на улицу и побежала. Она так опаздывала...

31 декабря. Новогодняя ночь.

В доме у Чалых праздновали Новый год в семейном кругу. За овальным дубовым столом собрались все: Наташа и Сергей, Саша и Мишаня, Раиса Никитична и Мария Николаевна. Миша был очень доволен, что ему позволили бодрствовать вместе со взрослыми. Маленькими ручками он сжимал стаканчик, в котором весело пузырился лимонад – персональное детское шампанское. Пробило двенадцать – и наполненные до краев бокалы взметнулись вверх:

– С Новым годом, с новым счастьем!

Сергей ласково взял Наташу за руку и увлек за собой в детскую.

Они подошли к кроватке и с нежностью взглянули на мирно посапывающего младенца. Мальчик спал и чему-то счастливо улыбался во сне.

– С Новым годом, сынок!

– С новым счастьем, Глебушка!

Уже светало, когда чья-то рука в кожаной перчатке поставила на свежую могилу шкатулку, нажала на кнопку – крышка поднялась и позволила маленькой балеринке весело завертеться...

Київ, 2006

Карабасовы слезы

Пролог

Зал для небольших официальных церемоний.

Пятеро журналистов сидят в ожидании главного действующего лица, для которого в центре зала приготовлено отдельное кресло и маленький столик. На столике фарфоровый чайник и одна чашка с блюдцем.

Наконец тот, кого ждали, появляется в сопровождении пресс-секретаря.

Пресс-секретарь. Господа, можем начинать!.. (*Обращаясь к тому, кого ждали.*) Виктор Викторович, вы готовы?...

Виктор Викторович. Доброе утро!.. Мне всегда приятно в неформальной обстановке встречаться с журналистами, представляющими ведущие издания нашей страны!..

Пресс-секретарь. Сегодня здесь присутствуют представители: еженедельника «Будни», аналитического издания «Зеркало жизни» и самой «покупаемой» газеты «Столичная».

Виктор Викторович сидит вполоборота по отношению к

журналистам так, что никто из присутствующих не может видеть помещенную в правую ушную раковину крошечную радиоподслушку, какими пользуются телеведущие.

В «подслушке» мужской голос: «Мы готовы!!!»

Виктор Викторович. Пожалуйста, друзья мои!.. Я – весь внимание!..

Первый журналист. Виктор Викторович, как вы прокомментируете скандал вокруг деятельности нашего военного атташе в Сирии?...

Виктор Викторович берет со столика чашку чая, медленно отхлебывает из нее... Пока он это делает, в «подслушке» тот же мужской голос: «Леонид Иванов... Брал у вас интервью два года назад... Настырный и дотошный... Нужен вариант, не предусматривающий обсуждения... Можно попробовать „военную тайну“...»

Виктор Викторович. Два года назад, во время нашей с вами беседы, Леонид, я был приятно удивлен вашей настойчивостью в получении исчерпывающих ответов на поставленные вами вопросы... Постараюсь ответить емко и предельно точно!..

Видно, что журналист, задавший вопрос, поражен памятью Виктора Викторовича.

Виктор Викторович (почти под диктовку голоса из «подслушки»). Вам, конечно, знакомо выражение «военная тайна»?... Еще в начале двадцатого века, в годы русско-японской войны, представители средств массовой информации, презрев понятие – «военная тайна», нанесли русской армии более существенный урон, чем вся агентурная сеть японцев... Я не провожу прямой аналогии, но... Я призываю вас и ваших коллег быть сдержанными и повременить с оценками происшедшего...

Пресс-секретарь. Прошу следующий вопрос!..

Второй журналист. Как вы можете прокомментировать отказ наших парламентариев принять поправки к закону о повышении социальных стандартов?...

Виктор Викторович. Прошу меня простить – я еще не совсем оправился от простуды... Буду злоупотреблять вашим терпением и пить чай...

Голос в «подслушке». Михаил Осоков!.. Месяц назад получил специальную премию ЮНЕСКО... Падок на лесть... В вопросе о «законе» желательно отмежеваться...

Ответ Виктора Викторовича мы уже наблюдаем из специальной комнаты, расположенной за гофрированной стеной зала приемов.

Большой стол, на котором расположены мониторы, транслирующие картинку каждой из четырех телекамер, наблю-

дающих за происходящим.

У стола в большом вертящемся кресле сидит тот, кому принадлежит голос в «подслушке».

Антон Макаровский – так зовут этого мужчину тридцати трех лет.

На нем традиционная «гарнитура» – наушники и микрофон.

Позади, за его спиной происходит «броуновское движение» – несколько молодых людей, вооруженные компьютерами, стремительно барабают по клавишам, добывая нужную информацию и тут же сбрасывая самое необходимое на большой монитор Антона Макаровского.

Если отрешиться от смысла происходящего, то все это станет похожим на бобслей из шепчущих губ, растопыренных ушей и бегающих глаз...

А тем временем мы видим на одном из мониторов Виктора Викторovichа, отвечающего на заданный вопрос.

Виктор Викторovich. Господин Осоков, прежде всего разрешите мне воспользоваться случаем и поздравить вас с высокой международной наградой!.. Было желание сделать это в более торжественной обстановке... Но я думаю – у нас все впереди?!.. Вы не против?...

Второй журналист. Большое спасибо!.. Я тронут вашим вниманием, Виктор Викторovich!..

Виктор Викторovich. А теперь по существу: к великому

сожалению, народные избранники часто забывают, что они призваны отстаивать интересы избирателей и начинают рьяно отстаивать свои интересы или интересы олигархических кланов, стоящих за ними. Я представляю власть исполнительную и могу лишь сокрушаться по поводу происходящего. Но я обещаю нашим людям сделать еще одну попытку достучаться до умов и сердец законодателей!..

Пресс-конференция продолжается – мы слышим фрагменты вопросов и ответов, но наше внимание целиком и полностью приковано к лицу того человека, который держит все нити происходящего в своих руках – лицу Антона Макарского...

«Куклы-марионетки, раскрашенные и нарядные, кружатся в веселом танце.

Их маленькие тельца, вслед за тоненькими ниточками, послушно выполняют все команды кукловода.

Его самого не видно – видны лишь его умелые руки.

Звучит забавная кукольная мелодия».

* * *

Тип: «Суббота. 00.25»

Двое мужчин стоят в большой комнате.

Человек в плаще. Если пистолет не ваш, то где ваша жена могла его взять?

Антон. Понятия не имею!.. И вообще... Что с ней?... Она жива?...

Человек в плаще. Вполне!

Антон. Я могу ее увидеть?

Человек в плаще. Это не в моей компетенции... Завтра, наверно, вас пригласят в прокуратуру...

Антон. Она в прокуратуре?...

Человек в плаще. Учитывая фамилию... и статус, посчитали, что так будет лучше...

Антон. Ничего не понимаю!..

Человек в плаще. Я сожалею, но я не вправе ничего говорить... Потерпите до утра! До свидания!..

Антон провожает гостя до двери.

Закрывает дверь и сразу же подходит к телефону.

Набирает номер.

Антон. Это я! Разбудил?... Прости!.. Я попал в идиотскую ситуацию... Нет, я дома... Приехал двадцать минут назад, а меня ждет человек из прокуратуры... Я не знаю, кто он... У них Марго!!! Я был уверен, что она дома... Утром я ее не видел... Я вернулся к шести – она спала... В девять я встал – ее уже не было... Нет, он толком ничего не сказал... Почему-то спрашивал о каком-то пистолете... Завтра

меня «пригласят к прокурору»... Погоди!.. Пока не поднялся шум, «Парусу» звонить не надо!!! Попробуй что-нибудь узнать!.. Я жду...

Антон обходит комнаты, планомерно включая все источники света – дом озаряется иллюминацией.

Он подходит к столику с бутылками, наливает наугад из первой подвернувшейся под руку полстакана, выпивает залпом, наливает еще, вливает в себя содержимое стакана, наливает еще и со стаканом в руке, не раздеваясь, ложится в застеленную кровать.

Он обводит взглядом озаренную огнями комнату...

Огни расплываются, превращаясь в медленно колышущуюся золотую массу...

«Вот они с Марго на вечеринке у приятелей, вот на открытии выставки, вот в автосалоне, выбирают ей автомобиль, вот на церемонии вручения какой-то премии, вот на спектакле в театре, вот они в постели...

„Удивительно! – думает Антон. – Она почему-то всегда находится справа от меня, а я только сейчас это заметил...“»

От звонка Антон вздрагивает.

Это не телефон – это звонят в дверь.

Он смотрит на часы – они показывают – 1.05.

Антон спешит к двери.

Открывает и пропускает в прихожую высокого молодого

мужчину.

Шувалов. Прости, что долго ехал!.. Жуткий туман...

Антон. Ну?!

Шувалов. Они ничего не хотят говорить!

Антон. Не хотят говорить вообще или по телефону?

Шувалов. По телефону!

Антон. Понятно!.. А к утру будет знать вся страна!

Шувалов. Они готовы встретиться прямо сейчас!

Антон. Где?

Шувалов. Там у них!.. Третий этаж... Восьмая комната...

Антон. А кто будет разговаривать?

Шувалов. Мамчич Петр Петрович...

Антон. Первый раз слышу!.. Ты со мной?

Шувалов. Конечно!

Антон. А адвокат нужен?

Шувалов. Нет!.. Пока с глазу на глаз...

Антон. Спасибо тебе!..

* * *

Типр: «Суббота. 1.45»

Антон и Шувалов, минуя охранника, входят в холл здания прокуратуры.

Дежурный. Добрый вечер! Вы к кому?

Шувалов. Нас ждут! Мы к Мамчичу!

Дежурный. Ваши документы!

Шувалов. Мы ничего не брали... Макарский и Шувалов...

Дежурный. Одну минуту!

Дежурный звонит – разговор состоит из двух коротких фраз, которые произносятся настолько тихо, что ничего разобрать нельзя.

Дежурный кладет трубку.

Дежурный. Вы знаете, куда идти?

Шувалов. Третий этаж, восьмая комната...

Дежурный. Вас проводить?

Шувалов. Спасибо! Мы сами!

Антон и Шувалов идут длинным коридором прокуратуры, по обе стороны которого одинаковые двери, а на них, кроме порядковых номеров, еще и таблички с фамилиями и званиями чиновников.

Антон. Сколько раз проезжал мимо, а внутри впервые...

Шувалов. Слава богу!

На большой коричневой двери, кроме цифры «8», ничего не написано.

Шувалов стучит и, не дожидаясь ответа, заглядывает внутрь.

Шувалов. Можно?

* * *

Они в довольно большой комнате, в которой почти нет мебели: стол и несколько стульев.

Мамчич. Доброй ночи! Присаживайтесь!

Шувалов. Мне остаться или подождать?

Мамчич. Как захочет господин Макаровский...

Антон. Остаюсь! Курить можно?

Мамчич. На здоровье! Я лично не курю – при нашей работе с вредными привычками приходится быть на вы...

Антон и Шувалов закуривают.

Мамчич подвигает к ним массивную хрустальную пепельницу.

Мамчич. Я задам вам несколько вопросов – от ваших ответов будет зависеть, как дело пойдет дальше! Я ничего не буду записывать, чтобы наш разговор получился откровенным и доверительным! Вы согласны?

Антон. Я готов!

Мамчич. У вас действительно в доме нет оружия?

Антон. Я вообще не любитель огнестрельного оружия. К тому же я – не охотник! А как только сыну исполнилось пять лет, я даже старый подарочный мушкет убрал из дома...

Мамчич. Это хорошо!

Антон. Хорошо для чего? Я пока ничего не понимаю... Что, собственно, случилось?... И где моя жена?...

Мамчич. Потерпите немного!.. Мне это тоже не доставляет удовольствия – я давно мог бы отдыхать, но... Меня попросили разобраться... Утром может быть поздно!..

Антон. Ладно, извините!

Мамчич. Вы давно женаты?

Антон. Семь лет! Это официально... А до этого мы жили два года... Просто так...

Мамчич. Вы все еще любите свою жену?

Антон. Конечно!.. А...

Мамчич. А на сколько вы вникаете в ее жизнь?...

Антон. Вы, наверно, знаете, что я человек занятой?!
Очень!!!

Мамчич. Догадываюсь...

Антон. Жена всегда у меня на виду... Ну, может, за исключением ее работы... Она возглавляет благотворительный фонд!

Мамчич. А с ее сестрой вы давно познакомились?

Антон. С Мариной? На пару лет позже, чем с Марго... Это я жену так называю... Марина приехала поступать в ин-

ститут на два года позже, чем Марго... Простите!.. Я так не могу!.. Что случилось с моей женой?...

Мамчич. С вашей женой – ничего!..

Антон. А с кем же?...

Мамчич. С ее сестрой!!!

Антон. Но...

Мамчич. Ваша жена ее застрелила!!! Сегодня... Вернее, уже вчера... В пять часов вечера...

Антон. Этого не может быть!.. Кто это сказал?...

Мамчич. Она сама призналась в этом!.. И еще это подтвердила няня, которая ухаживает за детьми сестры...

Шувалов. А где находится Маргарита Николаевна?

Мамчич. В отделении идентификации... Это в нашем здании...

Антон. А почему она это сделала?

Мамчич. Я надеюсь установить это с вашей помощью!

Шувалов. А откуда же об этом знать Антону Дмитриевичу?!

Антон. погоди! А как Марго сама объяснила все, что произошло?

Мамчич. Как только прозвучали выстрелы, няня позвонила в милицию... Когда туда приехали, ваша жена сидела в кресле рядом с трупом и спокойно курила... На полу валялся пистолет – маленький «браунинг»... А когда ее спросили, что произошло, она сказала: «Наконец-то я это сделала!..»

Шувалов. И все?!

Мамчич. И все!!! Она вообще больше ничего не сказала...
И даже здесь, у нас...

Антон. А муж Марины знает?

Мамчич. Да!.. Но с ним будут говорить утром... Посчитали правильным сперва поговорить с вами...

Шувалов. Спасибо!..

Мамчич. Ну, мне-то за что?... Сами знаете, кого благодарить!..

Антон вдруг явно видит перед собой Марго, сидящую в кресле с сигаретой в руках – она не мигая смотрит прямо ему в глаза...

Он встряхивает головой, пытаюсь отделаться от видения.

Мамчич. Кофе хотите?

Шувалов. А можно?

Мамчич. Конечно! Что-что, а кофе можно «завсегда»! Я бы предложил и кое-что покрепче, но тут мы не держим...

С этими словами Мамчич встает и направляется к окну, занавешенному тяжелой гардиной.

За гардиной обнаруживается широкий подоконник, на котором свободно умещается чайник и все прочее, что необходимо для приготовления кофе.

Шувалов помогает Мамчичу перенести чашечки с кофе на стол.

Антон сидит молча с сигаретой в той же позе, что и Марго.

Мамчич (Антону). Как вы?... Мы можем продолжить?

Антон кивает.

Мамчич. В каких отношениях вы были с сестрой жены?...

Антон. В прекрасных!.. А как это может объяснить случившееся?...

Мамчич. Первое, что приходит в голову, – не политика ли это?! Ваша работа... Через вас прямой выход на «лидера»... Но по всем показателям – это нечто другое!.. Какие же возникают предположения?... Я рассуждаю так: если принять во внимание ваш уровень и должность, которую занимает муж убитой, то смело можно отбросить и версию убийства на материальной почве... Я бы отбросил также вероятность затаенной ненависти с детства... Хотя иногда бывает...

Шувалов. Вы к чему-то клоните?...

Мамчич. Если дойдет до суда присяжных, то следует учесть, что они чаще всего бывают снисходительны к убийствам на почве ревности... (*Антону.*) Простите за прямой вопрос: сестра жены была вашей любовницей?!

Антон. Нет!!! Уже нет!!!

Мамчич и Шувалов переглядываются.

Антон. Я хочу сказать, что это не могло быть причиной...

У нас все закончилось еще год назад...

Мамчич. Когда именно?

Антон. Еще перед прошлым Новым годом...

Мамчич. Инициатором разрыва были вы?...

Антон. Скорее она... А вообще никакого разрыва, собственно, и не было... Это был не роман... Для нас двоих это был, скорее, «спорт»... Черт!.. Мне впервые в жизни трудно говорить...

Мамчич. Сколько длилась ваша связь?

Антон. Лет пять...

Мамчич. Об этом кто-то знал?... Ваша жена догадывалась?...

Антон. Конечно, нет!!! Я же говорю – это даже нельзя было назвать связью... Мы встречались только тогда... Тогда, когда кому-то из нас очень хотелось...

Антон поворачивает голову в сторону Шувалова.

Антон. Я не знаю, как еще объяснить...

«Антон входит в квартиру, промокший до нитки под дождем.

На диване с журналом в руках сидит Марина.

Марина. Приветик!..

Антон. О! А ты чего тут делаешь?...

Марина. Да вот забежала к сестричке поболтать, а она меня бросила – у нее семинар... А я решила дождаться тебя...

Антон и Марина долго смотрят друг другу в глаза...»

Титр: «Суббота. 2.45»

Антон слышит прямо у себя в ухе голос Шувалова и возвращается мыслями к происходящему.

Шувалов. Может хватит? Дождемся допроса с адвокатом?

Антон. Да нет!.. Это все равно всплывет...

Мамчич. Антон Дмитриевич, может, ваш свояк что-то подзревал?...

Антон. Не думаю!.. Он настолько занят своим банком... Ему некогда предположить, что у его жены может найтись время на другого мужчину...

Мамчич. Нам придется задать ему этот вопрос...

Антон. Это уже не важно...

Мамчич. А что важно?...

Антон. Мне важно – увидеть жену!.. Когда это можно будет сделать?...

Мамчич. С ней еще не работали... Я имею в виду, что еще не было официального допроса...

Антон. Ей нужен адвокат!!!

Мамчич. Я спросил ее – кого она предпочитает?...

Антон. А она?...

Мамчич. Сказала, что полагается на вас!..

Антон. И все?!

Мамчич. И все!

Антон. Все полагаются на меня...

Антон закуривает еще одну сигарету.

Мамчич. Давайте подытожим! Нам нужна версия для прессы... Итак: вы ничего не знаете о мотивах происшедшего, думаю, ваш свояк заявит то же... Поговорим с адвокатами и что-нибудь вам предложим... Ваш адвокат пусть утром свяжется со мной.

Мамчич протягивает Антону визитку, но берет ее Шувалов.

Антон. А что ей можно передать? Белье?... Продукты?...

Мамчич. Продукты, думаю, не понадобятся – у нас тут все есть... А вот личные вещи – пожалуй!..

* * *

Антон и Шувалов сидят в машине.

Антон. Мне нужно выпить!..

Шувалов. Потерпи до дома!

Антон. Мне нужно сейчас!

Шувалов. В такое время – это будет либо что-то пафосное, либо «гадюшник»... Выбирай!..

Антон. «Пафос» будет завтра... Поехали!..

* * *

На улицы города легла плотная пелена тумана.

Машина мчится на большой скорости по ночному городу.

Антон замечает огоньки придорожного бара и резко тормозит.

Водитель машины, что едет сзади, совершает крутой вираж, уходя от столкновения, и крутит пальцем у виска...

Антон не обращает внимания.

Они входят в крошечный, тонуший в темноте зал и садятся за столик, что затерялся в самом углу.

Антон (находу). Виски!!!

Сонная девушка приносит им виски.

Антон залпом выпивает.

Антон. Хорошая женщина, принеси еще...

Девушка вяло улыбается и уходит.

Шувалов. Может, не надо?... У тебя впереди тяжелый день...

Антон. У меня легких не бывает... Вообще, мы с Марго в последнее время много пьем... И все наши друзья тоже много пьют... Но мне легче всех – у меня отсутствует похмельный синдром... Сколько бы ни выпил – утром «огурец»... Так было всегда... До этого дня... Посмотрим, как будет утром...

Шувалов. Что ты намерен делать?...

Антон (смеется). А я не знаю!.. Понимаешь?... Я – и не знаю!.. Со мной это впервые!.. Этот Петр Петрович своими вопросами просто сбил меня с толку...

Девушка приносит виски.

Антон. Спасибо, котенок!.. (*Пьет.*) Я представил себе картину: они влетают с оружием в руках в комнату, а она спокойно сидит и курит... Я за ней это знаю... Уставится в одну точку и молчит... В этот момент спросишь ее о чем-то, а она не слышит... А потом вдруг очнется и говорит: «Ты что-то сказал?»... Представляешь?!

Шувалов. Тебе нужно собраться...

Антон. Я всегда как делал: я поднимался над ситуацией, оценивал ее сверху, и только тогда выбирал единственно правильный ход... А сейчас я сижу и думаю только об одном

– «Куда она целилась, в голову или в грудь?»»

Шувалов. Нужно будить адвокатов!..

Антон. Нужно передать вещи Марго!.. Поехали!!!

* * *

Антон открывает большой стеной шкаф, принадлежащий Марго, и удивляется количеству вещей.

Он на миг замирает, не зная, что уместно передавать в тюрьму...

Потом быстро бросает в сумку несколько маек.

Под руку попадается довольно большой пакет женских трусиков – он берет его целиком.

Идет в ванную, берет зубную щетку и пасту, расческу и несессер из крокодиловой кожи с маникюрными принадлежностями.

* * *

Они снова, рассекая клубы тумана, едут назад в прокуратуру.

Антон. Сейчас, дружище, вещи отвезем и начнем всем звонить!.. Хорошо?!

Шувалов. Хорошо!..

* * *

Титр: «Суббота. 4.05»

Антон стоит перед охранником.

Антон. Передайте пожалуйста Макарской!.. Мне разрешили!..

Охранник. А что там?

Антон. Предметы первой необходимости...

Охранник. Я так понимаю, что не все можно передавать! Я позвоню – пусть проверят!.. Лишнее вы потом заберете!..

Антон. Спасибо вам, добрый человек!.. А «лишнее» можете оставить себе!

* * *

Шувалов за рулем, Антон рядом. Они направляются в сторону городской квартиры Макарских.

Шувалов. Адвокат приедет!.. Я разбудил его, он чертыхался и спрашивал, нельзя ли подождать до утра... Я не хотел объяснять по телефону, но по моему тону он, кажется, понял... Будет через час!..

У Антона в кармане звонит мобильный телефон.

Антон. Мне звонят в карман... Алло!.. Это я!!! Интересно – ты звонишь мне на мобильный и спрашиваешь, я ли это?... Я еще не ложился!.. Ну!.. Где стоишь?... И давно?... Через десять минут буду!.. Быстрее не могу!.. Туман видишь?...

Антон выключает телефон.

Антон. Маринин муж ждет меня под дверью... Не терпится!..

Шувалов. Его можно понять...

Антон. А кто поймет меня?...

Шувалов. Я тебя понимаю...

Антон. Слабо верю, но спасибо!..

«И снова Антон видит Марго, сидящую с сигаретой в руках над трупом Марины и смотрящую не мигая перед собой...»

Машина подъезжает к дому.

На ступеньках у входной двери стоит крупный мужчина с раскрытым зонтом над головой.

Антон. Тимонин собственной персоной... Вау-у!!!

Шувалов. Говори с ним спокойно... Я вернусь через час, к приезду адвоката...

Антон молча выходит из машины, молча подходит к двери, молча открывает ее и молча же предлагает гостю войти. Они проходят в ярко освещенную гостиную.

Антон (свояку). Пить будешь?

Тимонин. Я воздержусь...

Антон. Ну да! Ты же пьешь только в урочное время...

Тимонин. Зато ты...

Антон. Да! Я уже выпил и выпью еще!..

Антон наливает себе почти полный стакан виски и тяжело плюхается на диван.

Антон. Я приношу извинения за случившееся от всего нашего семейства!

Тимонин. Как ты можешь юродствовать в такой момент?

Антон. Я юродствую?! Я потрясен не меньше твоего!!!
Даже не потрясен, а раздавлен!!! Понимаешь?

Тимонин. Нам нужно договориться!

Антон. О чем?

Тимонин. Утром нам придется давать показания...

Антон. Я уже давал!

Тимонин (глядя на часы). Когда?

Антон. Час назад...

Тимонин. И что ты им сказал?

Антон. Что ничего не понимаю... И это правда!

Тимонин. Правда! Что есть правда?... Я считал, что Марина целыми днями занята домом и детьми... А сегодня, когда все это случилось, я прижал нянечку и она, заливаясь слезами, рассказала мне, что Марина в последнее время не гуляла с детьми... Она привозила их с няней в парк, а сама уезжала черт знает куда и возвращалась только через несколько часов...

Антон. Мало ли у наших женщин дел в городе – магазины, салоны, портнихи...

Тимонин. Я теперь ни за что не готов поручиться... А ты?

Антон. И я, похоже, тоже...

Тимонин обмякает и опускается в кресло.

Антон. Может, все-таки налить?

Тимонин. Немного...

Антон наливает свояку, не забывая себя.

Тимонин. Маргарита уже выбрала себе адвоката?

Антон. Она полагается на меня...

Тимонин. Ты, конечно, пригласишь своих «волкодавов»?...

Антон. Ты можешь предложить что-нибудь лучшее?

Тимонин. А какую версию они выдвинут?

Антон. А какую предложил бы ты?

Тимонин. Не забывай, что я муж жертвы!

Антон. А я муж женщины, которая проведет за решеткой долгие годы...

Тимонин. Ты-то уж что-нибудь «смоделируешь»!.. Раз вы столько лет морочите голову всему народу, то тут... Я за тебя спокоен!..

Оба мужчины выпили одновременно.

Тимонин. Я хочу знать правду!..

Антон. Какую?...

Тимонин. Все равно теперь наша жизнь будет выставлена напоказ... Скажи мне правду!.. Ты знаешь, о чем я!..

Антон. Ты уверен, что хочешь все знать?...

Тимонин. Да! Мне это нужно, чтобы понимать, как себя вести дальше!..

Антон. Разговор будет мужским! Ты согласен?...

Тимонин. Да!..

Антон выпивает.

Антон. Я не знаю доподлинно, что люди называют любовью, но думаю, что у нас с Марго было, наверно, это самое чувство... У нас бывали разные времена – иногда мы голодали, иногда пировали, но иногда я скучал по ней, а она, как

мне казалось, тосковала без меня... И потом мне без нее было пусто!.. Я привык чувствовать ее присутствие по правую руку от себя...

Тимонин. Меня интересует другое – были ли вы с Мариной...

Антон. Да погоди же ты!.. Из-за того, что я всецело принадлежал Марго, мне казалось, что право на меня может иметь еще только одна женщина – ее родная сестра... Успокойся! Тогда она еще не была знакома с тобой... Ты появился позже... А потом она забеременела...

Тимонин. От кого?...

Антон. Не волнуйся – от тебя!..

Тимонин. Она с тобой делилась?...

Антон. Конечно!

Тимонин. Какая же ты скотина!!!

Антон. Я же предупреждал, что разговор будет мужской...

Тимонин. И все пять лет, что мы женаты...

Антон. Угомонись! Между нами все давно закончилось!..

Тимонин. Когда?...

Антон. Еще год назад!..

Тимонин. Кто же из вас двоих решил расстаться?...

Антон. Она!..

«Сквозь задернутые шторы в маленькую комнату пробивается дневной свет.

Антон стоит напротив Марины, положив свои руки

на ее плечи.

Антон. А почему ты выбрала именно этот день?...

Марина. Я ничего специально не выбирала... Просто наши с тобой отношения, как говорят, уже потеряли свою свежесть и очарование...

Антон. Ой ли?!

Антон пытается привлечь к себе ее хрупкое тело.

Марина. Не стоит!.. Все было так прелестно... Зачем все портить?... Мы все равно останемся родственниками и лучшими друзьями... Не правда ли?

...

Марина целует Антона совсем по-братски».

Тимр: «Суббота. 5.15»

Антон и Тимонин все еще сидят на диване.

Тимонин. И с этого дня...

Антон. С этого дня между нами ничего не было... Мы и виделись-то совсем редко...

Тимонин. Значит получается, что Маргарита стреляла не из-за тебя?! Так, что ли?

Антон. Не знаю!

Тимонин. Конечно, тебе бы льстило, если бы сестра убила сестру из-за тебя... А тут кто-то другой!.. Ха!!!

Антон. Сейчас это не главное...

Тимонин. Боже, какой шум завтра поднимется!.. Мне, наверно, придется уйти в отпуск, чтобы отвести удар от банка... Только бы не началась паника среди вкладчиков!..

Антон. Бедняжка!.. А что же говорить мне?...

Тимонин. Ничего! Вся ваша свора во главе с вашим лидером ринется спасать себя, а заодно спасет и тебя!.. Я уйду, скоро проснутся дети – им нужно что-то объяснить!.. Кстати, машина Маргариты стоит перед нашим домом!.. Это вопиюще!.. Потрудись забрать!!! Наверно, нас с тобой вызовут на очную ставку, так что скоро увидимся... И прекращай пить!..

В дверях Тимонин сталкивается с Шуваловым и адвокатом, сухо здороваются и выходит.

Шувалов и адвокат входят в гостиную в тот момент, когда Антон наливает виски в стакан.

Антон (комментируя уход свояка). Я уверен: он, когда ходит в туалет, достает свой «инструмент» десертной вилочкой... (*Выпивает.*)

Адвокат. Доброе утро, Антон Дмитриевич!

Антон. Насчет «доброе утра» – это тонко!.. Я оценил!.. Ладно!.. Давайте думать!..

Шувалов. Я вкратце ввел Владимира в курс случившегося...

Антон. Спасибо!.. Прежде всего нужно помочь Марго!..

Адвокат. Ее допрашивали?...

Антон. Официально – нет!!!

Адвокат. Что она успела им сказать?

Антон. Насколько я понял – кроме признания в убийстве, ничего!..

Адвокат. Это хорошо!.. Нам нужно побыстрее подсказать ей линию защиты!.. А что муж убитой?...

Антон. Он в нокауте! И, кажется, больше думает о том, как чувствуют себя вкладчики банка...

Адвокат. Мамчич, с которым вы разговаривали, не следователь. Дело кому-то передадут. И мы пока не знаем кому. Вы меня понимаете?! Поэтому, Антон Дмитриевич, я хочу услышать именно от вас версию о мотивах убийства.

Антон. А откуда я знаю?...

Адвокат. Простите, но если выдвинут версию о ревности – ваша фигура предстанет не в лучшем свете...

Антон. Я тут ни при чем!..

Адвокат. Не сердитесь!.. Просто я должен наверняка знать о ваших отношениях с убитой...

Антон. Никаких отношений!.. Вернее – уже никаких!.. И давно!!! Это чистая правда!..

Антон выпивает.

Адвокат. Наверху уже знают?

Шувалов. Звонков еще не было, но думаю, что шестеренки завертелись и «карлики» засуетились... Отважились ли они ночью тревожить «Паруса» – не знаю... Но ждать осталось недолго!..

Адвокат. Мое дело вычистить юридическую сторону вопроса... Я еду в прокуратуру... Если будут новости – я буду звонить...

Шувалов. Звони мне!..

Адвокат. Договорились!.. А если появятся вводные у вас – немедленно сообщайте!..

Шувалов. О'кей!..

Адвокат уходит.

Антон идет в ванную: медленно раздевается, начинает набирать ванну, потом неожиданно выключает воду, становится под холодный душ, стоит минуту, выходит, чистит зубы, долго вытирается большим махровым полотенцем, оборачивается им и возвращается в комнату, где его терпеливо ждет Шувалов.

Титр: «Суббота. 6.50»

Шувалов. А где ваши собачки?... Я только сейчас обратил внимание на то, что их не видно!..

Антон. Марго увезла их на дачу... Пусть пасутся!..

Шувалов. Может, тебе немного поспать?

Антон. Будь добр, свари кофе!

Шувалов идет на кухню.

Антон берет трубку телефона, набирает номер.

Антон. Мама?! Здравствуй!

Голос мамы. Антоша!!! Боже! Какое горе!!!

Антон. Откуда ты знаешь?

Мама. Соседка позвонила... Она прочитала в Интернетe...

Антон. Уже?! Отец тоже в курсе?

Мама. Да! Но он ничего не сказал... Ты же его знаешь?!

Антон. А как малыш?

Мама. Еще спит...

Антон. Постарайся, чтобы он ничего не узнал... Хотя бы пока...

Мама. Конечно, конечно!

Антон. Я попозже к вам заскочу... Целую!

Мама. Береги себя, сынок...

Антон. Ладно!

Шувалов приносит из кухни кофе.

Антон. Бедная моя мамочка!.. Оказывается, уже все есть в Интернетe...

Шувалов. Я читал!.. Паскудная штука!.. Правда, пока все в одну строчку и без комментариев...

Антон. Ах, Марго, Марго!!! Что же ты наделала?...

Звонит телефон Шувалова.

Шувалов. Начинается!.. Алло!.. Это уже твердо?... Ну, и?
... Хорошо!.. Ждем!.. (*Кладет телефон.*) Уже известен следователь!

Антон вопросительно смотрит на Шувалова.

Шувалов. Колесников!!! Молодой, борзый, но управляемый! В десять вызывает Марго на допрос!

Антон. А меня когда?

Шувалов. Перезвонят...

Антон. Мне нужно с ней увидеться!.. Очень!!!

Шувалов. Может, сразу после допроса...

Антон. Это главное!..

Шувалов. Нужно чего-то съесть, позже может не быть времени!..

Антон. Времени говоришь?... На сегодня все было расписано... До минуты... А тут... Времени теперь навалом!..

Шувалов. Ты шутишь?...

Антон. Да нет, дорогой, не шучу! Она не просто убила сестру, она сломала что-то очень важное... Зачем?! Я не понимаю!..

Шувалов. Антон, ты знаешь: твое мнение – для меня закон! Ты не просто мой друг – ты мой учитель!..

Антон. Оставь!.. Говори по делу!..

Шувалов. Ты не имеешь права раскисать!.. За тобой люди!..

Антон. Люди за «Парусом»!..

* * *

Титр: «Суббота. 7.58»

Антон и Шувалов на кухне завтракают.

Антон. Странно, уже восемь утра, а никто из верхушки не звонит...

Шувалов. Ты же знаешь «правило» – сперва принятие решения, потом слова!

Антон. Какие правила?!. Какие в такой ситуации могут быть правила?... Это форс-мажор – пожар, цунами, самолеты врезаются в небоскребы!!! А они молчат!.. Я не могу – я должен выпить!..

Шувалов. Что ты делаешь?!

Где-то в комнате звонит телефон.

Шувалов реагирует быстрее, чем Антон, – через несколько секунд он уже возвращается с телефоном в руке.

Шувалов (протягивает телефон Антону). Парус!!!

Антон, насколько это возможно, медленно прикладывает трубку к уху.

Антон. Да!

Голос. Здравствуй, сынок!

Антон. Доброе утро, Виктор Викторович!

Голос. Как ты?!

Антон. Пока ничего не понимаю...

Голос. А ты не спеши!.. Хорошо разберись!.. Тебе помогут!.. А если возникнут трудности, звони мне!..

Антон. Спасибо, Виктор Викторович!

Голос. Держись, сынок!

Телефон отключается.

Антон. Ну вот, велено «не спешить!»... А знаешь, что это значит?

Шувалов. Что?

Антон. А это значит, что времени у меня почти нет!!!

Шувалов. Что он еще сказал?

Антон. Больше ничего...

Антон, наконец, налил себе в стакан виски и залпом выпил.

Антон. Знаешь что, дружище, поезжай в офис, раздай людям работу: сегодня должны выйти две статьи, а в девять должны привезти сигнальный экземпляр книги, и не забудь позвонить на канал и проговорить содержание вечернего эфира на «Свободе мысли». Я часок посплю, а ты мне потом все расскажешь! Хорошо?!

Шувалов. Не волнуйся – я все сделаю!..

Антон. Спасибо тебе!

* * *

«Он бредет по квартире, входит в гостиную – на полу сидит Марго и, как заправский солдат, чистит пистолет... Он подходит почти вплоты, присматривается, а в руках у Марго уже не пистолет, а тот самый старинный мушкет...»

– Зачем тебе оружие? – спрашивает он.

Марго молчит и только с ее черных ресниц на ствол мушкета падают большие „хрустальные“ слезы...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.